

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

1'2017

Казань 2017

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит один раз в три месяца

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 22.00.00 (социологические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
член-корреспондент АН РТ **И.А.Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин),
Вашари Иштван, профессор (Будапешт),
Девлет Надир, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань)
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен)
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 30.03.2017.
Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 8,75.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

Переводчик **И.Шакиров**
Компьютерная верстка **В. Левин**

© Коллектив авторов, 2017
© Академия наук РТ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 5 **М.С.Гатин.** Улуг-Мухаммед и образование казанского ханства в трудах немецких историков
- 11 **В.В.Трепавлов.** Образ народов России в глазах верховной власти, XVII – начале XX в. (некоторые наблюдения).
- 23 **Я.В.Пилипчук.** Крымское ханство, Швеция и Речь Посполита в 1700–1772 гг.
- 48 **З.З.Гилязов, Р.А.Айнутдинов.** Начальный период истории татарской печатной научной книги

ФИЛОЛОГИЯ

- 55 **А.М.Салахов.** Рукописный список суфийского автора 14-го в. «Китаб ал-джавахир» («Книга самоцветов»)
- 65 **Л.Х.Мухаметзянова, Г.Р.Ахметгалиева.** Переход от героики к религиозной героике в дастане «Кахарман Катил»
- 73 **Г.У.Соронкулов.** «Восточно-западная» проблематика в художественной аксиологии А.С.Пушкина

СОЦИОЛОГИЯ

- 78 **С.А.Ахметова.** Социология в Казанском университете: исторические и современные реалии
- 86 **М.Ю.Ефлова, Р.Г.Минзаринов.** Стратегии социальной адаптации депривированных групп в России (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ)
- 93 **Ю.Р. Хайруллина, Р.Р. Гарипова.** Человеческий капитал региона: проблема стабилизации рождаемости и социального благополучия детей

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 98 **А.Г.Яруллина.** Татары и Татарстан на страницах нового тома «Татарской энциклопедии»

CONTENTS

- 5 **M.S. Gatin.** Ulug-Muhammad and the formation of the Kazan Khanate in the writings of German historians
- 11 **V.V. Trepavlov.** The image of the peoples of Russia in the eyes of supreme power, the XVII - early XX century. (some observations).
- 23 **Y.V. Pilipchuk.** The Crimean Khanate, Sweden and Rzeczpospolita in 1700-1772.
- 48 **Z.Z. Gilazev, R.A. Aynutdinov.** The initial period of the history of the Tatar printed scientific book

PHILOLOGY

- 55 **A.M. Salakhov.** A hand-written list of the Sufi author of the 14th century. "Kitab al-Jawahir" ("The Book of Gems")
- 65 **L.Kh. Mukhametzyanova, G.R. Akhmetgalieva.** The transition from heroics to religious heroics in the dastan "Kakharman Katil"
- 93 **G.U. Soronkulov.** "East-West" problems in the artistic axiology of Alexander Pushkin

SOCIOLOGY

- 78 **S.A. Akhmetova.** Sociology at Kazan University: historical and modern realities
- 86 **M.Yu. Eflova, R.G. Minzaripov.** Strategies for social adaptation of deprived groups in Russia (drug addicts and people living with HIV)
- 93 **J.R. Khairullina, R.R. Garipova.** The human capital of the region: the problem of stabilizing the birth rate and social well-being of children

NEW BOOKS. REVIEWS

- 98 **A.G. Yarullina.** Tatars and Tatarstan on the pages of a new volume of the "Tatar Encyclopedia"

УЛУГ-МУХАММЕД И ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ

М.С.Гатин, кандидат исторических наук

Насущная потребность изучения деятельности Улуг-Мухаммеда и образование Казанского ханства в немецкой историографии обусловлена объективным процессом интернационализации науки, а также необходимостью преодоления крайностей в отношении к зарубежной историографии. Если русская (советская, российская) историография этого вопроса более или менее освоена, то опыт немецкой, англо-американской, турецкой, японской и других исторических школ изучен пока что недостаточно.

В вопросе об основоположнике Казанского ханства немецкие исследователи в целом единодушны – зачинателем татарского государства на Средней Волге, по их мнению, является Улуг-Мухаммед¹.

Немецкие исследователи, как и отечественные, по-разному решают вопрос, наследником какого государства стал Казанский юрт. Крупный австрийский востоковед и дипломат Йозеф Хаммер фон Пургшталь считает Улуг-Мухаммеда реставратором старого Болгарского государства и основателем новой династии правителей Казани². По мнению Филиппа Штраля, Улуг-Мухаммед «основал или, скорее, возобновил Казанское государство, которое было основа-

но на руинах древнего замечательного Болгарского государства, известного своим торговым духом»³. Профессор Гисенского университета Клаус Хеллерсчитает, что «демографический и экономический вес бывшей Волжской Болгарии переместился дальше на север»⁴.

По мнению профессора Берлинского университета Теодора Шиманна, с приходом Улуг-Мухаммеда «Казань стала бичом России». Советник рейхсканцлеров Х.К.Гогенлоэ и Б.Бюлова полагает, что Казань не стала наследницей древней Болгарии, а явилась продолжательницей Золотой Орды⁵.

Мнение профессора Венского университета Андреаса Каппелера отличается от вышеприведенных: Казанское ханство было наследником как Золотой Орды, так и Волжской Болгарии⁶.

«Казанское ханство (1439–1552), основанное в 1439 г. на землях существовавшего ранее Болгарского государства», – пишет Бертольд Шпулер, имело большое значение. Это государство, как с политической, так и с экономической и культурной точек зрения играло большую роль, оно стало также «угрожающим фактором для Москвы». И все это, по мнению профессора Гамбургского университета, благодаря только такой

личности, как хан Улуг-Мухаммед, «страна получила нового политического и военного лидера, организовавшего местных татар»⁷. Казанское ханство с момента своего основания, полагает А.Каппелер, стало противостоять восточной экспансии русских правителей⁸.

Немецкие историки констатируют, что ханство было полиэтничным государством. Так как Улуг-Мухаммед обещал всем переселенцам защиту и безопасность, то территория скоро заполнилась «жителями всякого рода». Возникла «чудесная смесь народностей»: татары, русские, болгары, мешера, мордва, черемисы и монголы объединялись здесь друг с другом, из чего образовался народ под именем «казанских татар, которые сохранились еще и до сегодняшних дней, хотя это лишь жалкие остатки тех, кто наводил ужас на Россию»⁹. Кроме имевших господствующее положение татар, здесь проживали финские племена, испытывавшие на себе их сильное влияние. Казань стала «скопищем русских рабов», которыми наводнились рынки Востока¹⁰. Высокая цена на русских рабов была одной из главных причин татарских нападений на московские земли¹¹. При этом профессор Майнцского университета Ян Кусбер утверждает (без каких-либо ссылок), что сельское хозяйство государства зиждилось в основном на рабском труде¹².

По мнению профессора Гейдельбергского университета Эммануэля Саркисянца, подъем Казани связан с упадком когда-то болгарских областей Закамья, ко-

торые были покинуты под давлением кочевников – ногаев и башкир. Население в период Золотой Орды мигрировало в лесную зону севернее Камы, которая была слабо заселена финскими племенами мари и удмуртов. Здесь в XV столетии Казань стала главным центром «скотоводческого государственного образования». Казань как торговый город вскоре превзошла древний Болгар. Казанское государство включало в себя также земли чувашей и финноязычной мордвы. Были поглощены болгарские народные элементы. Изобразительное искусство продолжало болгарские традиции, особенно в каменной орнаментике. Однако прикладное искусство Казанского ханства значительно уступает болгарскому периоду¹³.

Казанское ханство было государством со слабой центральной властью, что «было обусловлено многонациональным характером государства». Часть финских племен образовывали отдельную Арскую административную единицу. На этом фоне очень часто вспыхивали восстания, что ослабляло прочность и устойчивость Казанского государства по отношению к Москве¹⁴.

Вызванная внутренними беспорядками слабость Русского государства в середине XV в., пишет Ф.Штраль, позволяла «безнаказанно совершать вторжения и грабежи» в русские земли отдельным отрядам татар. «Россия не могла наслаждаться спокойствием! На востоке возник сильный враг, Улуг-Мухаммед, казанский хан»¹⁵.

Вскоре сила хана выросла до такой степени, что он мог думать о мести за свое изгнание из России, считает Германн Роскошны. Господствующие в России распри и нерешительность слабого великого князя способствовали агрессивным намерениям хана¹⁶. Уже в 1439 году Улуг-Мухаммед появился с войском под стенами Москвы, и хотя ему не удалось взять город, «все же это был опять-таки разбойнический набег», перед которым сельская местность и малые города не были защищены и терпели безмерный ущерб¹⁷.

Великий князь московский Василий II решил в 1445 году выступить против «всегда угрожающих и опасных казанских татар»¹⁸. Однако поход окончился катастрофой, причины которой, как считает Т.Шиманн, лежали в том, что первоначальный успех и слишком быстрое и беспорядочное преследование привели, как часто это бывало для русских, к поражению, сам Василий Васильевич «попал в руки врагов»¹⁹. Впервые, утверждает Г.Роскошны, русский великий князь попал во вражеский плен. Хан Улуг-Мухаммад вел переговоры уже с Дмитрием Шемякой. Т.Шиманн объясняет, почему именно к Шемяке хан отправил своего посла: Шемяка, несмотря на просьбы великого князя, не принял участие в походе против татар и располагал к тому же боеспособными отрядами. Он был готов принять великое княжество из рук Казани²⁰ с признанием хана своим ленным господином²¹.

Эккхард Клуг отмечает, что в XV в. превосходство Москвы над

Тверью достигло такого уровня, что даже хан Улуг-Мухаммед, пленив в 1445 г. московского великого князя Василия II, очевидно, и не думал о том, чтобы в этой ситуации каким-нибудь образом усилить Тверское княжество. В XIV в. при подобных обстоятельствах тверской или нижегородский князь добились бы владимирского великокняжеского престола²².

Татарский посол вернулся от Дмитрия Шемяки слишком поздно, именно поэтому Улуг-Мухаммед, решив, что посол убит, заключил договор с великим князем о его освобождении при условии огромного выкупа²³. По этому поводу Б.Шпулер восклицает: «Улуг-Мухаммед необдуманно упустил великий шанс прочно подчинить Московское великое княжество!»²⁴. «К счастью, – подводя итог событиям 1445 г., пишет Ф.Штраль, – татары не использовали такие благоприятные для них обстоятельства»²⁵. С Василием II в Москву выехали многочисленные знатные татары, которые вступили на русскую службу и таким образом обеспечили себе там, по мнению Т.Шиманна, «блестящее положение»²⁶.

В целом же, по мнению профессора Кёльнского университета Лотара Рюля, поддержка Василия II со стороны татар Казани и увеличение татарской свиты великого князя способствовали завершению московской феодальной войны и привели к победе «законного великого князя» и укрепили вместе с тем политическое единство страны²⁷.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать

следующие выводы. По мнению немецких историков, основателем Казанского ханства является Улуг-Мухаммед. Однако здесь нет единого мнения по дате образования государства. В основном в качестве даты основания государства называется 1439 г. Нет единого мнения по вопросу, чьи традиции несло в себе Казанское ханство. Здесь можно выделить три взгляда на эту проблему:

1. Казанское ханство является наследницей Волжской Болгарии;
2. Казанский юрт был наследником Золотой Орды;
3. Казанское ханство было наследником как Золотой Орды, так и Волжской Болгарии.

Основой благосостояния ханства, по мнению историков Германии, были нападения на русские земли и связанный с ним полон. Помимо этого отмечается еще приток сюда переселенцев из других государств. Изначально полиэтничный характер страны в будущем сыграл дестабилизирующую роль в ее судьбе.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Республики Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16-11-16011.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 285–286; Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. s. 387; Schieman T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 294; Roskoschny H. Die Wolga und ihre Zuflüsse. Geschichte, Ethnographie, Hydro – und Orographie nebst Mitteilungen über das Klima des Wolgagebietes. Leipzig: Gressner & Schramm, 1887. s. 46; Spuler B. Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. Berlin: Otto Stollberg, 1942. s. 27–28; Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Hrsg. von D. Geyer und H. Roos. Bd.14). Köln; Wien: Böhlau, 1982. s. 39; Kusber J. Um das Erbe der Goldenen Horde: das Khanat von Kazan' zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner, 1998. s. 296–297.
- 2 Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. s. 387.
- 3 Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 285–286.
- 4 Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 гг. Казань: МастерЛайн, 2002. С. 113–114.
- 5 Schieman T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 295.

- 6 Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Hrsg. von D. Geyer und H. Roos. Bd.14). Köln; Wien: Böhlau, 1982. s. 40; ср.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 19–21; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке веков и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / Сост. И. Б. Муслимов. М.: ИНКАН, 1996. С. 500–503.
- 7 Spuler B. Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. Berlin: Otto Stollberg, 1942. s. 28.
- 8 Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Hrsg. von D. Geyer und H. Roos. Bd.14). Köln; Wien: Böhlau, 1982. s. 36.
- 9 Roskoschny H. Die Wolga und ihre Zuflüsse. Geschichte, Ethnographie, Hydro – und Orographie nebst Mitteilungen über das Klima des Wolgagebietes. Leipzig: Gressner & Schramm, 1887. s. 46; Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 285–286.
- 10 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 294–295.
- 11 Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. s. 281.
- 12 Kusber J. Um das Erbe der Goldenen Horde: das Khanat von Kazan' zwischen Moskauer Staat und Krimtataren // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner, 1998. s. 301.
- 13 Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. s. 281.
- 14 Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München: Oldenbourg, 1961. s. 282–283.
- 15 Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 296.
- 16 Roskoschny H. Die Wolga und ihre Zuflüsse. Geschichte, Ethnographie, Hydro – und Orographie nebst Mitteilungen über das Klima des Wolgagebietes. Leipzig: Gressner & Schramm, 1887. s. 46.
- 17 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 294.
- 18 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 294–295.
- 19 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 296.
- 20 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 296.
- 21 Roskoschny H. Die Wolga und ihre Zuflüsse. Geschichte, Ethnographie, Hydro – und Orographie nebst Mitteilungen über das Klima des Wolgagebietes. Leipzig: Gressner & Schramm, 1887. s. 48; Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 298.
- 22 Klug E. Das Fürstentum Tver' (1247–1485). Aufstieg, Selbstbehauptung und Niedergang // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd.37. 1985. s. 311.
- 23 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 296; Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1943. XVI, s. 165; Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. XVIII, s. 165.
- 24 Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1943. XVI, s. 165; Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. XVIII, s. 165.

25 Strahl P. Geschichte des Russischen Staates. Bd.2. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Großfürsten Iwan III Wasiljewitsch, d.i. von 1224 bis 1505. Hamburg: F. Perthes, 1839. s. 298.

26 Schiemann T. Geschichte Russlands, Polens und Livlands bis zum 17. Jahrhundert. Bd.1. Berlin: Historische Verlag Baumgärtel, 1886. s. 296.

27 Rühl L. Aufstieg und Niedergang des Russischen Reiches: Der Weg eines tausendjährigen Staates. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1992. s. 59; ср.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 25–34; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке веков и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / сост. И.Б.Муслимов. М.: ИНСАН, 1996. С. 500–503.

Сведения об авторе: *Гатин Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент КФУ, e-mail: marat_gata@mail.ru.*

Аннотация: *Потребность изучения деятельности Улуг-Мухаммеда и образование Казанского ханства в немецкой историографии обусловлена объективным процессом интернационализации науки, а также необходимостью преодоления крайностей в отношении к зарубежной историографии. Если русская (советская, российская) историография этого вопроса более или менее освоена, то опыт немецкой, англо-американской, турецкой, японской и других исторических школ изучен пока что недостаточно. В вопросе об основоположнике Казанского ханства немецкие исследователи в целом единодушны – зачинателем татарского государства на Средней Волге, по их мнению, является Улуг-Мухаммед. Немецкие исследователи, как и отечественные, по-разному решают вопрос, наследником какого государства было Казанское ханство. На этот счет есть три мнения исследователей. Немецкие историки констатируют, что ханство было полиэтничным государством. В Казани быстро росло население благодаря иммиграции из всех соседних стран. Полиэтнический характер государства обусловил слабость ханской власти в Казани. Большинство немецких историков считает основателем Казанского ханства Улуг-Мухаммеда. Однако здесь нет единого мнения по дате образования государства.*

Ключевые слова: *Распад Золотой Орды, образование Казанского ханства, Касимовское ханство, Московская Русь, татары, Улуг-Мухаммед.*

Abstract: *The need to study the activities of Ulug-Muhammad and the formation of the Kazan Khanate in German historiography is due to an objective process of the internationalization of science, as well as the need to overcome extremes in relation to foreign historiography. If the Russian (Soviet, Russian) historiography of this issue is more or less mastered, then the experience of the German, Anglo-American, Turkish, Japanese and other historical schools has not been studied so far. In the question of the founder of the Kazan Khanate, German researchers in general are unanimous - the pioneer of the Tatar state in the Middle Volga, in their opinion, is Ulug-Mukhammad. German researchers, like the domestic ones, solve the question differently, the heir of which state was the Kazan Khanate. On this score, there are three opinions of researchers. German historians state that the Khanate was a multi-ethnic state. In Kazan, the population grew rapidly due to immigration from all neighboring countries. The polyethnic character of the state determined the weakness of the khan's power in Kazan. Most German historians consider the founder of the Kazan Khanate Ulug-Muhammad. However, there is no common opinion on the date of the formation of the state.*

Keywords: *The collapse of the Golden Horde, the formation of the Kazan Khanate, the Kasimov Khanate, Moscow Rus, Tatars, Ulug-Muhammad.*

ОБРАЗ НАРОДОВ РОССИИ В ГЛАЗАХ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ, XVII – НАЧАЛЕ XX В. (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ).

В.В. Тренилов, доктор исторических наук

С разрастанием территории Российского государства и включением в его состав все новых народов появилась необходимость найти им место в языке и культуре доминирующего русского этноса. Следовало включить новых соотечественников – не только каждое племя в отдельности, но и всю массу неславян – в русский культурный код, чтобы русский человек воспринимал ее как часть своего культурного мира, и она нашла бы свое место в его картине мира¹. Наиболее общими и частыми обозначениями нерусского и при этом неправославного населения в России служили понятия «иноземцы», «иноверцы», «инородцы». Появившись в обыденной речи, они проникли в официальные документы. В начале XIX в. наиболее распространенным был термин «инородцы». С введением «Устава о сибирских инородцах» 1822 г. он стал употребительным, вытеснив прочие наименования. А к началу XX в. понятие «инородцы» уже было близко к тому, чтобы охватить все народы империи, кроме восточных славян.

Правительственные инстанции желали иметь представление о расселении, численности, хозяйст-

венном потенциале «иноверных» подданных. Причина такого интереса крылась вовсе не в любознательности правящей элиты, а в фискальных, колонизационных и прочих экономических резонах. С образованием Академии наук сбор информации о жителях государства стал обретать систематические формы. Провинциальным управленцам рассылались из столицы перечни вопросов о подведомственных регионах, на которые следовало составлять подробные ответы. В результате одного из первых таких опросов его автор В.Н. Татищев насчитал в России 42 народа²; впоследствии это число постоянно увеличивалось.

Кроме того, с развитием естествоиспытательских изысканий разворачивалось и этнографическое изучение населения России. Читая публика жадно впитывала отчеты академических экспедиций о неведомых соотечественниках, их пище, жилищах, одежде, занятиях, орудиях, средствах передвижения, семейном укладе, военном деле и т.д. – всему, что обозначалось тогда немецким словосочетанием *SittenundGebräuchten* (нравы и обыкновения)³. Тем не менее, накопление знаний шло медленно,

сопровождалось возникновением и отмиранием версий этнической истории⁴. За недостатком сведений уподобляли «нравы и обыкновения» одних народов другим⁵. Основная же масса обывателей имела мизерное представление об этнической мозаике страны. Еще в середине XIX в. корреспондент газеты, замыслив рассказать читателям о существовании среди остяков (хантов) персон аристократического ранга, правомерно начал повествование с риторического вопроса: «Многие ли знают, что на глубоком Севере между далекими остяками есть настоящие князья, жалованные в это достоинство царскими грамотами и имеющие полное право на титул сиятельства?»⁶. Впрочем, порой кажется, что в наше время эрудиция населения возросла ненамного.

Потребности «знания-власти», формирование имперской географии⁷ диктовали бурное развитие географических, этнографических, исторических и прочих исследований российских регионов, особенно приграничных. В XIX в. к таким исследованиям активно подключилось военное ведомство. С расширением познаний о провинциях государства, по мере колонизации его окраин менялось и видение России как геополитического актора.

Одним из проявлений любопытства к российской этнической экзотике было содержание в аристократических домах прислуги из азиатских народов. Чаще других мне попадались упоминания о девочках-калмычках в качестве

таких полуслуг-полушутов; иногда упоминаются татарки и др.⁸ Своеобразная мода на них проникла и в царские чертоги. В знаменитой забаве Анны Иоанновны – свадьбе в Ледяном доме 6 февраля 1740 г. – была задействована пара придворных шутов, Михаил Голицын «Квасник» и крещеная калмычка Евдокия Буженинова. В августе 1772 г. Екатерина II с сыном Павлом «изволили шествовать для смотрения представленной на театре малыми певчими оперы «Калмык», которая продолжалась не более получаса»⁹. Вероятно, всплеск интереса «Северной Семирамиды» к этому народу был вызван разразившимся незадолго до того «торгоутским побегом» – массовым исходом калмыков из российского Поволжья в их восточную прародину Джунгарию.

В последних десятилетиях XIX и в начале XX в. время от времени устраивались выставки разной тематики, на которых были представлены и народы России с их традиционным хозяйством, бытом, культурой. В 1867 г. новообразованное Общество любителей естествознания при Московском университете провело одно из первых своих мероприятий – этнографическую выставку. Открывал экспозицию «Отдел А. Инородческие племена». Выставку посетил Александр II, и, как сообщалось в «Известиях» Общества, живо интересовался жилищами и манекенами в костюмах, выставленными предметами быта, охоты и проч.¹⁰ Интерес публики к населению отдаленных окраин

нарастал. Когда в 1879 г. в Москве устроили астрономическую выставку, в ней, как ни странно, организовали раздел, посвященный вогулам и самоедам, ведь «об этих полудиких соотечественниках наших мы почти ничего не знаем, так как самоеды почти никогда не выезжают из своей непривлекательной родины». Для представления сибирских аборигенов из Тобольской губернии доставили вогульскую супружескую пару с маленькой племянницей. На одной из площадок Зоологического сада поставили чум, в котором на протяжении всей выставки жили самоеды в национальных одеждах¹¹.

Этническая панорама империи во всем многообразии предстала перед посетителями большой научно-промышленной выставки в Казани в 1890 г. В ее научном и учебном отделах можно было видеть свезенные из дальних провинций предметы утвари, орудия промыслов, одежду, игрушки, макеты жилищ и молельных зданий, фотографии «типов», религиозные (христианские) издания на языках народов Поволжья, Сибири, Степного края (Казахстана)¹². Без «живых экспонатов» и здесь не обошлось. Из Внутренней Орды прибыли казахи во главе с высококородным султаном. Они поставили в Казани юрту, украсили ее коврами, облачились в национальные праздничные наряды и в таком виде стали исполнять роль «почетных экспонентов», нимало не стесняясь такого положения. Зрелище имело музыкальный аккомпане-

мент: «Один из товарищей султана недурно играет на местном инструменте в виде двухструнной балалайки, *думбра*»¹³.

Через шесть лет художественно-промышленную выставку организовали в Нижнем Новгороде с павильонами, отведенными регионам. Сибиряки показали орудия охоты и рыболовства бурят, якутов, аборигенов Западной Сибири¹⁴. Посетившая выставку императорская чета осмотрела один из самых ярких павильонов – среднеазиатский. Он был весь убран восточными коврами, заполнен вещами и макетами, чучелами обитающих в Туркестане животных. Бухарский эмир выделил для показа драгоценности из своей казны. Манекены сидели в воссозданных интерьерах городского дома, кочевой кибитки, кочевой аульной школы, которая «служит лучшим проводником русского влияния среди киргизов». По обеим сторонам следования Николая II с Александрой Федоровной выстроились вновь живые «экспоненты среднеазиатского отдела» – бухарцы и хивинцы в парчовых и бархатных халатах. Продолжалась экспозиция сценой восточного базара с ювелирами, чеканщиками, древорезчиками за работой и завершалась кульминацией: портретом государя с каллиграфической персидской надписью¹⁵.

Само августейшее семейство не оставалось в стороне от выставочной активности. В 1902 г. под покровительством императрицы в петербургском Таврическом дворце открылась международная выстав-

ка одежды. На нее было приказано доставить экзотические наряды, в том числе калмыцкие. Чиновники в Астрахани расстарались и привезли в столицу богатый набор одеяний. В основном это были вещи из гардеробов нойонов (князей) и высших лам. Кроме того, перед публикой выставили музыкальные инструменты, ювелирные украшения, изделия из кожи, меха, дерева, ковры и др. Калмыки сами были заинтересованы в такой презентации своей культуры, поскольку рассчитывали получить почетные дипломы. В этих ожиданиях они не обманулись: наградой стали не только 15 дипломов, но и медали жертвователям одежды и утвари. Многие из калмыцких экспонатов были переданы в Русский музей, по просьбе его управляющего (ныне они хранятся в Государственном музее этнографии – Кунсткамере)¹⁶.

Какие-то сведения об интересе самодержцев к этнографическим редкостям доходили до глухих окраин и могли преломляться в причудливые фольклорные сюжеты. В хантыйском предании рассказывается, что, прослышав об остяцких волшебных идолах, которых мог сдвинуть с места только их хозяин, царь приказал доставить эту диковину к себе¹⁷.

Подобный интерес время от времени просыпался у Петра I. Он узнал о существовании могущественных сибирских шаманов, и в 1702 г. березовскому воеводе было приказано найти трех-четыре самоедов, «которые совершенно

шаманство умели», дать им провожатых до Москвы и «велеть что к тому их шаманству надобно, взять с собою, и их не страшать», а обнадеежить государевой милостью. К воеводе привели двух шаманов, которых смогли найти в окрестностях. На вопрос «какое шаманство за ними есть?» те «били в бубен и крычали, а иного де шаманства за ними никакова кроме того нет» – и не убедили начальство в своих чудодейственных способностях. Через два года тобольские воеводы вновь потребовали у того же своего березовского подчиненного разыскать в подведомственных краях шаманов – очевидно, по повторному царскому повелению. На сей раз требовалось представить в Тобольск «таких знающих, которые вешки о всяких делах с болванами своими говорят и их выправшивают... и они в шаманстве в огонь мечютца и иные мечты чинят».

В 1724 г. Петра заинтересовали якутские шаманы «шитые рты» (у них сквозь кожу лица продевалась нить), которые исцеляют от болезней, и он повелел привезти их в Петербург «с их шаманским добрым платьем и с бубнами, поихобыкности, как надлежит в их состоянии шаманском». Якутский воевода, проникшись серьезностью поручения, старательно составил «Реэстр шаманом» с 27 именами¹⁸. Мне неизвестно, успели ли таежные колдуны добраться до императора, т.к. менее чем через год после этого указа он скончался.

На самом деле члены царской фамилии нечасто сталкивались с

народами империи и их культурой. Лишь при приеме делегаций от них и в поездках по стране они имели возможность, пусть и очень поверхностно, познакомиться с жизнью этой многомиллионной массы своих подданных. Первой при встрече с «иноверцами», было удивление необычностью их жизни, непохожестью их культуры на привычные культурные устои. Как писала Екатерина II во время своего крымского путешествия 1787 г., татары в мечетях «кричат, молятся и вертятся на одной ножке 5 раз каждые 24 часа. Мы все это слышим из своих окон... О! Какое странное явление – наше пребывание здесь!»¹⁹.

Со временем впечатления накапливались и оформлялись в негативные и позитивные стереотипы, положительные и отрицательные характеристики целых народов. Отношение к представителям того или иного этноса зависело от социального положения, масштаба эрудиции, эмоционального состояния, образованности и внутренней культуры оценивающего. Глава Оренбургской экспедиции в 1730-х гг. И.К. Кириллов под воздействием восстаний башкир жестко отзывался о них как о «самом плюгавом и неоружейном народе»²⁰. А голландец Н. Витсен в конце XVII в. из своих бесед с русскими вынес убеждение, будто они не уважают зырян, считая тех глупыми и грубыми²¹.

Однако близкое знакомство с местным населением раскрывало более сложную картину. В нем

замечали (и постепенно включали в стереотипы) как привлекательные, так и отталкивающие, с точки зрения наблюдателей, черты. И тогда таежные жители якуты удостаивались от местного губернатора лестных эпитетов как «племя даровитое, предприимчивое и коммерческое»²². А татары виделись академику XVIII в. И.И.Лерехину «проницательнее и больше опрятными» по сравнению с окрестными народами; впрочем, в этом отношении «близко к ним подходят мордва»²³. Калмыки – природные кочевники и непривычны к земледелию, но, как отмечает тот же Лепехин, «сколько они унижены пред другими в хлебопашестве, столько превосходят в скотоводстве»²⁴. В другом месте своих «Записок» он подробно расписывает «пользу, от них происходящую»: превосходный скот, поставляемый на российский рынок для пропитания и сельских работ, тулупы и мерлушки, которые во множестве расходятся по России, защиту калмыками границ от набегов казахов и кубанцев²⁵.

На протяжении нескольких столетий менялись представления о народах и заселяемых ими местностях, прилагаемые к ним образы и стереотипы. Происходило это под воздействием увеличивающейся информации о них, или, как афористично формулировал К. Боулдинг, image региона зависит от message о нем (или от него)²⁶. Важнейшим источником формирования образа народа и региона в сознании современников выступают многоо-

бразные миграции, в том числе путешествия. В сознании тех, кто их предпринимает, образуется сложный синтез изначальных представлений (стереотипов) о посещаемой местности и личного опыта и впечатлений²⁷. Донося результаты своих наблюдений до читателей и слушателей, путешественники способствуют конструированию в общественном сознании и культуре устойчивого нового образа, который составляется из эндогенных и экзогенных элементов и в котором старые стереотипы порой сменяются новыми.

Расселение русских на колоссальном пространстве империи объективно сближало народы и тоже меняло стереотипы. Поселяясь в «инородческом» окружении, русский человек вовсе не становился «большим белым господином» (bigwhitesahib), несущим «диким туземцам» свет цивилизации. В 1880-х гг. это заметил французский путешественник по стране, недавно присоединенной к России: «... Для туземцев Средней Азии русский не такой иностранец, каким является англичанин по отношению к индусу. Русский солдат живет вместе с сартом, между тем как ничто не может изменить мнение британского солдата о своем превосходстве над всеми народностями, населяющими Индостан... В этом именно следует видеть истинное могущество России; когда одно или два поколения сартов подрастут рядом, тогда можно будет сказать, что Россия владеет Средней Азией. Между тем как Англия не

может смотреть на Индию иначе, как на большой капитал, до какого бы совершенства ни было бы доведено управление краем»²⁸.

На отношение к иноверным подданным влияли и идеологические ориентиры. От долгого и жесткого неприятия «магометанства» верховная власть в середине XVIII в. решила проявлять снисходительно-толерантное отношение к исламской конфессии в империи²⁹. Этническая политика в этой сфере, наряду с поиском рациональных приемов управления гигантским государством, испытала воздействие передовых идей Просвещения. Наиболее наглядно эти факторы проявились при Екатерине II. 1767 г. она писала Вольтеру из Казани: «Вот я и в Азии; мне хотелось посмотреть ее ными глазами. В этом городе двадцать разных народов, вовсе не похожих друг на друга. И однако им надобно сшить платье, которое на всех на них одинаково хорошо бы сидело»³⁰. В другом письме она делилась замыслом наладить обучение «наших кадет» татарскому языку – для облегчения их будущей службы в Поволжском крае³¹.

В том же году императрица создала Уложенную комиссию для выработки нового законодательства, в которую повелела включить и представителей оседлых «иноверцев». Эта мера вызвала критику за их нарочито бутафорское представительство. Комиссию уничтожительно сравнивали с этнографической выставкой³². Но все же участники данного мероприятия

из окраинных владений должны были не столько продемонстрировать пестроту депутатского собрания и многообразии подвластных народов, сколько реально способствовать «пошиву одинакового платья» – выработке жизнеспособных и адекватных юридических установлений, опираясь на знание реалий и повседневных условий, в которых живут их соплеменники.

Однако участие нерусских представителей в высших государственных органах по большей части все-таки было эпизодическим и зачастую действительно носило декоративный характер. «Инородческое» население всегда выступало не в качестве субъекта правительственной политики, а в качестве ее бессловесного объекта и жертвы. Тем более что в социальном отношении оно не получило окончательного сословного оформления (хотя некоторые авторы считают, что вся масса «инородцев» после принятия «Уставов» М.М. Сперанского» оформилась в реальное сословие³³).

Не раз бывало, что важнейшие политические и законодательные решения принимались столичными управленцами (далеко не всегда русскими по происхождению) зачастую без учета региональной и этнической специфики различных провинций. «Инородческая» элита имела основание считать бездумное радикальное реформирование вредным. В мерах по унификации имперского законодательства она видела за официальными лозунгами рационализации

управления стремление столичных чиновников облегчить себе работу по регулированию жизни миллионов подданных. Выдающийся представитель казахской аристократии XIX в. Чокан Валиханов так отзывался об административных преобразованиях Сперанского 1820-х гг. в отношении своих соплеменников: «Народ неграмотный, кочевой, с своеобразными понятиями и обычаями, был подчинен ни с того ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудреными инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, не понятными до сих пор не только киргизам (казахам. – *В.Т.*), но и русским»³⁴.

Надо признать, что казахская социальная верхушка сама в некоторой степени культивировала представление «в верхах» о своем народе как о типичных кочевниках, живущих средневековыми патриархальными устоями. Несмотря на появление во второй половине XIX в. все увеличивающейся прослойки интеллектуалов-казахов с европейским мышлением и образованием, при выставлении на обозрение своих этнических особенностей – во встречах ли с императорами и цесаревичами во время их путешествий, на всероссийских ли выставках (см. выше) – на обозрение выставлялась исключительно традиционная культура. Нижайшие подношения ко двору баранов и кумыса³⁵ иллюстрировали и укрепляли в правящей элите убеждение в «восточной закоснелой отсталости» народа.

Общее отношение к неславянским соотечественникам как к «чужим» и «другим» побуждало правящую бюрократию изобретать специфические методы управления ими и удержания в повиновении. Это и идущая из средневековья практика взятия заложников-аманатов, и постоянное пребывание среди «иноверцев» специальных представителей из офицеров или местных русских дворян, и демонстративное строительство в близком соседстве сильной крепости или постоянная дислокация воинских подразделений.

Не менее значительную роль в скреплении полиэтничного общества народов России играло личное отношение монархов и высших правящих кругов к иноверным подданным, равно как и расхивившиеся по стране сведения о таком отношении (не всегда правдивые). Объективной основой патерналистской парадигмы отношений на территориях к востоку от Волги была передача в собственность царя присоединенных земель. «Великий государь, – писал исследователь этого вопроса Н.Н. Фирсов, – почитал себя полным собственником земель казанских, астраханских, ногайских, пермских и всех сибирских в той же мере, в какой был властелином в областях собственно московского княжения»³⁶. На этих землях коренное население нередко существовало в гораздо более льготных условиях, чем русские крестьяне и городские тяглецы.

Дополнительным основанием для послаблений была защита «иноверцами» государственных границ от нападений воинственных соседей. В этом отношении в конце XVII – первой половине XVIII в. особенно ценились калмыки – «буфер» перед кубанцами и крымцами. Донским казакам в 1670-х гг. неоднократно направлялись из Москвы запреты нападать на стойбища калмыков в отместку за угон теми скота, поскольку калмыцкие предводители шертовали (присягали) государю и с тех пор являются-де его «вечными холопами»³⁷. Соответственно власти закрывали глаза на «шалости» калмыцких удальцов по отношению к донцам и астраханцам. В 1742 г. Коллегия иностранных дел указала астраханскому губернатору: «... При случающихся откалмык малых грабительствах губернатору в разбирательство самому непосредственно и со всею строгостию не входить, а представлять управе наместника ханства, смотря на то некоторым образом сквозь пальцы...»³⁸.

Ценность для правительства южных степняков в XVII и начале XVIII в. как мобильной военной силы диктовала максимально благожелательное отношение к ним. «Извольте, мой государь, – писал в 1712 г. канцлер Г.И. Головкин казанскому губернатору П.М. Апраксину о калмыках, – с ними обходиться ласково, ибо нынешнее время есть в них нам надежда...»³⁹ – надежда на участие калмыцкой конницы в баталиях

Северной войны. Характерно, что указывается на нужду в калмыках именно «в нынешнее время», что, казалось бы, говорит о преходящем, конъюнктурном характере канцлерского указания. Однако на самом деле политика по отношению к этому народу в «царской России» не обретала откровенно насильственных форм. Во второй половине XIX в. калмыки признавались в общественном мнении «за один из самых благонадежных народов, населяющих Россию»⁴⁰. Правящие круги империи были убеждены в благотворном воздействии российского подданства на устройство калмыцкого народа. Ведь, по словам Екатерины II, пребывание его под властью русского монарха «составляет его безопасность и предохраняет от разсеяния, какое протчияподобныя и одинакого с ним поколения народы... уже претерпели»⁴¹.

Очень часто в источниках XVII–XVIII вв. встречаются распоряжения центральных органов на места оградить иноэтничное население от несправедливых поборов, посягательств на исконные угодья, произвола и обмана со стороны русских начальников. Высочайшая благосклонность (Николай II: «Я всегда отношусь к бурятам с особым милосердием»⁴²), по негласным канонам самодержавного государства, пусть и с лицемерными искажениями, распространялась вниз по управленческой лестнице. Европейский наблюдатель в конце XVII в. отмечал, что в Сибири «туземцев судят справедливо при

разбирательстве с русскими. Суд защищает русских не больше, чем туземцев, ибо Его Величество желает их удержать справедливостью и доброжелательностью»⁴³. В целом подобную линию поведения администрации можно считать традиционной для российской этнической политики. Не случайно многие российские востоковеды XIX – начала XX в. утверждали, будто Россия превосходит своих геополитических конкурентов в деле имперского строительства, так как русские не страдают расизмом и способны относиться к этническим меньшинствам как к равным⁴⁴. Впрочем, такое же самомнение было присуще европейцам-строителям колониальных империй, уверенным в своей большей гуманности, лучшей способности понимать аборигенов, в превосходстве собственных имперских проектов.

Благотворная цивилизаторская миссия России ее правящей и интеллектуальной элите виделась не только в отношении архаичных монархий Бухары, Хивы и Коканда – «мертвых и темных царств», населенных «народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации», где царят-де «неурядица и варварство»⁴⁵. В случае принципиальных разногласий скрываемое, подспудное пренебрежение прорывалось и в общении с несомненно европейски «цивилизованными» остзейскими подданными – прибалтийскими немцами. Когда их депутаты в Уложенной комиссии стали ходатайст-

воват о неприкосновенности при- вилегий Лифляндии и Эстляндии и сочинили записку на имя Екате- рины II, та пришла в негодование. Императрица пожелала, чтобы кто-нибудь в Комиссии дал отпор «лифляндским замашкам» (ее вы- ражение), поскольку предлагаемые прибалтийскими депутатами зако- нодательные нормы неприемлемы. Ведь «наши правила само челове- колюбие писало, а... иные их уза-

конения наполнены невежествами и варварствами»⁴⁶.

Таким образом, гуманные идей- ные установки вовсе не предохра- няли строителей Российской импе- рии от признания своего культур- ного превосходства перед «дики- ми» народами окраин (возможно, осознание такого превосходства было заимствовано из примера ев- ропейских колонизаторов – «прос- вещенных мореплавателей»⁴⁷).

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Лотман Ю.С. Семиосфера. СПб., 2010. С. 611.
- 2 Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 34.
- 3 Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 128.
- 4 Например, просвещенные россияне XVIII в. причисляли татар к предкам русского народа: «Знатное в творении российского народа имеют участие татарские единопле- менники, которые и поднесь в полуденных России странах и в Сибири живут рассеян- ные» (цит. по: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи. С. 74).
- 5 Акты Кавказской археографической комиссии. Т. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 829 (послание главнокомандующего на Кавказе А.П. Тормасова военному министру М.Б. Барклаю де Толли 1812 г.: «Судя о кабардинцах как о сильнейшем народе... должно разуместь то же самое о всех прочих горских народах, ибо они совершенно одинаковых свойств и обычаев...»). Здесь и далее в цитатах выделено мною.
- 6 Об остяцких князьях // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 24. 5 октября. С. 217.
- 7 Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 23, 24.
- 8 См., например: Российский государственный архив древних актов, ф. 396, оп. 1, ч. 12, д. 17939, л. 1; д. 18856, л. 1.
- 9 Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. Б. м., б. г. С. 360.
- 10 Этнографическая выставка 1867 года имп. Общества любителей естествознания, ар- хеологии и этнографии, состоящего при имп. Московском университете. М., 1878.
- 11 В.П. Самоеды в Москве // Харьков. 1879. 3 августа. С. 1, 2.
- 12 Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог. Историко-этнографиче- ское отделение (научного отдела). Казань, 1890; Казанская научно-промышленная вы- ставка 1890 г. Каталог. Учебный отдел. Казань, 1890.
- 13 Гости внутренней Киргизской Орды на выставке // Волжский вестник. 1890. 10 (22) августа. № 195. С. 2.
- 14 Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. Томск, 1897. С. 17, 18, 33, 41.
- 15 Пребывание их императорских величеств в Нижнем Новгороде // Московский ли- сток. 1896. 20 июля. № 201. С. 2.
- 16 Дарбакова В.П. Калмыцкие экспонаты на международной выставке одежды в 1902 году в Санкт-Петербурге // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 8. Элиста, 1969. С. 215–218.

- 17 Патканов С.К. Сказания о поездках остяцких князей к русским царям // Патканов С.К. Сочинения. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 119.
- 18 Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 240–242; кн. 2. СПб., 1882. С. 436–442.
- 19 Коваленский М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М., 1916. С. 102. В голове православной немки явно смешались молебен-намаз и суфийский обряд сама (сема) – вращение дервишей с целью достижения духовного просветления.
- 20 Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1. С. 152.
- 21 Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II. Амстердам, 2010. С. 982.
- 22 История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск, 2007. С. 80.
- 23 Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. СПб., 1821. С. 147.
- 24 Там же. С. 235.
- 25 Там же. Т. 4. СПб., 1822. С. 379.
- 26 Boulding K. The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, 1956. P. 6–8.
- 27 Замятин Д.Н. Мета-география. Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 139; Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. М., 1998. С. 14.
- 28 Бенуа-Мешэн. Путешествие через Туркестан // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб., 1885. С. 197. Сарты – оседлые жители городов и селений Средней Азии.
- 29 Каппелер А. Россия и мусульмане Российской империи // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. С. 196, 197.
- 30 Цит. по: Ташкин С.Ф. Иногородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922. С. 39.
- 31 Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Дону // Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т. 3. СПб., 1901. С. 243.
- 32 Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915. С. 140.
- 33 Каппелер А. Россия и мусульмане Российской империи. С. 197. Дискуссию о том, составляли ли сибирские «иногородцы» особое сословие в Российской империи, см.: Конов А.Ю. Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 15, 16.
- 34 Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 321.
- 35 О доставлении к высочайшему двору киргизами Тургайской области кумыса и кургашек // Тургайские областные ведомости. 1891. 23 июня. С. 6, 7.
- 36 Фирсов Н.Н. Положение иногородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 77.
- 37 Там же. Т. 7. СПб., 1859. С. 233–248.
- 38 Цит. по: Торопицын И.В. Исламский фактор во внутренней и внешней политике России в первой половине XVIII века // Ислам на Юге России. Астрахань, 2007. С. 102.
- 39 Цит. по: Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России XVIII века // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 41.
- 40 Воронцов А. Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 5.
- 41 Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Элиста, 2004. С. 123.
- 42 Цыремпилов Н.В. За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX веков. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.torchinov.com>. Эта фраза приписана царю в биографии хамбо-ламы Даши-ДоржоИтигэлова.
- 43 Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. С. 978.

- 44 Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // Imperiuminterparcs. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 277, 297.
- 45 Водворение русской власти в Средней Азии // Военный сборник. Т. 42. СПб., 1868. С. 245, 276; Маргенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 22.
- 46 Брикнер А.Г. История Екатерины II. Ч. 4. СПб., 1885. С. 586.
- 47 Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperiuminterparcs. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 36.

Сведения об авторе: Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, e-mail: trepavlov@yandex.ru.

Аннотация: *Правительственные инстанции России XVII – начала XX в. желали иметь представление о расселении, численности, хозяйственном потенциале разноэтнических подданных. Причина такого интереса заключалась в фискальных, колонизационных и прочих экономических резонах. Для получения информации о народах в XVIII в. было организовано естественно-научное и этнографическое изучение окраин. В последние десятилетия XIX и в начале XX в. устраивались выставки разной тематики, на которых были представлены и народы России с их традиционным хозяйством, бытом, культурой. Постепенно впечатления о народах накапливались и оформлялись в негативные и позитивные стереотипы, положительные и отрицательные характеристики. Отношение к представителям того или иного этноса зависело от социального положения, масштаба эрудиции, эмоционального состояния, образованности и внутренней культуры оценивающего.*

Ключевые слова: *инородцы, этническая политика, элиты, представления, стереотипы, экзотика, выставки*

Abstract: *Russian governmental authorities of the 17th – early 20th cent. sought to have an idea of resettlement, population, economic potential of their multiethnic subjects. The reason for this interest lay in the fiscal, colonization and other economic reasons. For information about the peoples of the border regions in the XVIII century the natural scientific and ethnographic study of them was organized. In the last decades of the 19th and early 20th century they arranged exhibitions with different themes, which were presented with the peoples of Russia with their traditional economy, way of life and culture. Gradually experience about them accumulated and processed in negative and positive stereotypes, both positive and negative characteristics of entire peoples. The attitude to the representatives of various ethnic groups depended on the social status, erudition scale, emotional state, education and internal culture of the one who evaluated.*

Keywords: *foreigners, ethnic politics, views, elite, stereotypes, exoticism, exhibitions.*

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО, ШВЕЦИЯ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТА В 1700–1772 ГГ.

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук

Взаимоотношения Крымского ханства с европейскими странами не являются популярными исследованиями по сравнению с проблемами связанными с турецкой и русской историей, однако не можно сказать, что проблема совсем не изучалась. Взаимоотношения Крымского ханства с Швецией исследуют В.Возгрин и А.Тымченко¹. Взаимоотношения крымцев с Пруссией исследовали Т.Мундт, В.Возгрин и А.Пономарев². Взаимоотношения Крымского ханства с Речью Посполитой исследованы в работах Л.Подхородецки и Д.Колодзейчика³. Взаимоотношениям Крымского ханства с Молдавией и Валахией посвящены статья румынских и молдавских исследователей С.Осман и Д.Хайдарлы⁴. Отношения Гетьманщины и Запорожской Сечи с Крымским ханством и ногайскими ордами исследуют А.Галенко, Т.Чухлиб, В.Станиславский⁵. Задачей данного исследования является реконструкция взаимоотношений Крымского ханства с странами Европы в 1700–1772 гг. В данном исследовании не будут изучаться русско-татарские отношения, поскольку это отдельный объект исследования. Задачей данного исследования является анализ взаимоотношений Крымского ханства

с европейскими государствами в XVIII в. Новизной данного исследования является общая картина взаимоотношений крымцев с шведами, поляками, французами, а не исследование частных вопросов. Для более предметного исследования необходимо также привлечь в исследование данные о взаимоотношениях крымцев с молдаванами, валахами, украинцами, калмыками.

В 1681 г. Османы установили контроль за внешней политикой крымцев по отношению к русским, а Константинопольский договор 1700 г. ликвидировал практику отправления русскими упоминков и ограничил возможность осуществлять набеги. Крымцы могли это сделать только с позволения султана. В ногайских ордах начались бунты и ослабление власти хана вызванное тем, что походы были ограничены. Еще в 1684 г. поляки предложили крымцам отделиться от Османской империи. В 1712 г. крымский хан Девлет-Гирей II предвидя свою отставку по воле османского султана, отправил в Санкт-Петербург своего посла А.Давыденко, чтобы вступить в подданство Российской Империи. Однако Гирей продолжали рассматривать русских как своих главных противников, а попытки перейти

в русское подданство предпринимались в надежде ослабить или ликвидировать зависимость от Османов. Одной из характерной особенностей мира после Карловицкого мирного договора было стремление Османской Империи плотно контролировать политику Крымского ханства. В отношении Российской Империи Османы занимали оборонительную позицию и долгое время не давали крымцам возможности активно противодействовать русской экспансии. На протяжении XVIII в. Крымское ханство лихорадило от смен ханов и бунтов ногайских орд. Развитие технологий и развитие фортификации поставили крымцев в неудобное положение, поскольку они отставали в техническом отношении⁶.

В XVIII в. крымцы также надеялись на возможность заключения союза с шведами. В Крыму была хорошо известна победа шведов под Нарвой над многочисленным русским войском. Об этой битве сообщал еврей из Крыма Давид Лехно. Уже в 1702 г. Девлет-Гирей II мог предъявить дипломатическую переписку с запорожцами и шведами по поводу общих военных действий против русских. Нужно отметить, что Петр I провоцировал конфликт, построив на территории крымцев крепость Каменец всего в 50 милях от Ор-Капы. Крымский хан собрал войско из крымцев и ногайцев, и сообщал, что ему обещала помочь Запорожская Сечь, однако турки предупредили выступление крымцев против русских и низложили хана. Необходимо от-

метить, что власть Стамбула также не устраивала Девлет-Гирей II и он вел двойную игру. В 1699 г. против Крымского ханства взбунтовался буджакский сераскер Гази-Гирей, обращаясь к русским с просьбой принять его в русское подданство. Стараясь освободиться от зависимости от Османов Девлет-Гирей II в 1701 г. передал через И.Мазепу просьбу к Петру I принять Крымское ханство в русское подданство. В 1702 г. кубанские ногайцы просили перехода в русское подданство. Крымский хан таким способом хотел сбросить с себя османское ярмо и взаимной враждой ослабить и русских и турок. В 1704 г. Селим-Гирей полгода вел переговоры с поляками подчинявшимися С.Лещинскому, которого Карл XII сделал своим ставленником, сместив Августа-Фридриха II Веттина и вынудив его удалиться в Саксонию. Г.Любомирский и А.Сенявский передали Карлу XII, что хан согласен в любой нужный момент предоставить помощь против русских, однако этому помешало нежелание Османской Империи воевать с русскими. Селим-Гирей в письме от 23 июня 1704 г. делился конкретными замыслами с Любомирским. Однако им не было суждено сбыться. Впрочем, крымские ханы продолжали гнуть свою линию. Гази-Гирей в 1705 г. в письме киевскому воеводе из поляков И.Потоцкому, писал, что готов поддержать шведов в войне против русских. В 1707 г. хану Каплан-Гирейю пришлось усмирять бунт Джан-Тимура. Памятуя о прежних

неудачах в переговорах с Шведией хан включил в письмо пункт о том, что нужно согласие султана на военный союз между шведами и крымцами. Шведы реально заинтересовались возможностью этого союза в 1708 г. Девлет-Гирей обещал шведам помощь и также говорил, что Запорожская Сечь с ним. Кроме того, к нему после подавления Петром I восстания К.Булавина бежали 8 тыс. казаков-некрасовцев. Хурреми Челеби Акай и Халим-Гирей сообщали о набеге крымцев на русских и принятии крымцами бежавших казаков. Предварительные переговоры крымцев с шведами были возможны благодаря помощи И.Мазепы. Но проявить активность в 1708 г. крымцы не могли, приходилось оглядываться на Османскую Империю. Д.Крман отмечал, что правитель Малой Татарии (Крыма) является врагом русских и иногда находится на пути называемом Муравским⁷.

И.Мазепа занимал важное место во внешней политике Восточной Европы. В 90-х гг. XVII в. С.Палий просил И.Мазепу принять правобережные казаческие полки под свою власть, в 1702 г. левобережный гетьман не поддержал восстание Палия только потому, что не было на это санкции со стороны русского царя, а в 1704 г. получивши позволение Петра I он занял Днепровское Правобережье и объединил Украину, которая с времен Ю.Хмельницкого в 1660 г. была разъединена. В 1704 и 1706 гг. И. Мазепа в 1704 и 1706 гг. прини-

мал ханских послов. В документах И. Мазепы была информация о отношении Гетьманщины с Буджаком. В письме С.Палия И.Мазепе от 31 мая 1699 г. автор сообщал о приезде молдаванина В. Агменя, который сообщал, что крымский хан приказал своим войскам идти на Буджак, а причиной похода было то, что они зимой совершили набег на Покутье, Подгорье и район Самбора зимой 1698–1699 гг. Они продавали пленных туркам. В письме И.Мазепы Петру I от 27 ноября 1699 г. сообщалось, что бей из Ширинов поднял бунт в Буджаке. В письме от 13 декабря 1699 г. сообщалось, что бунтующие осадили в Килии нуреддина и Каплан-Гирея. В письме И.Мазепе Головину упоминалось, что главный мирза Буджака просил о принятии в русское подданство. В письме от 8 мая 1700 г. И.Мазепа сообщал, что три ногайских мирзы снова просили о подданстве русским. В письме от 22 июля мирзы послали шесть послов. В письме от 26 июля сообщали о прибытии послов из Гетьманщины и просили предоставить кочевья на Южном Буге и Ингуле. В письме от 20 августа указано, что буджакские послы находились у И.Мазепы. В письме от ноября 1700 г. сообщалось, что буджакцы просили сменить крымского хана и прислать пашу, который ими б управлял. Султан ответил отказом и пригрозил переселением в Крым. Гази-Гирею было приказано перебраться к черкесам. Буджакцы же готовились к войне с Крымом и требовали сделать Гази-Гирея ха-

ном. В письме от 31 декабря И. Мазепа упоминал, что буджакцы снова были в Батурине, а гетьман опасался, что буджакцы могут принять польское подданство. В 1701 г. хан Девлет-Гирей II вступил в Буджак и большинство бунтовщиков оставили Гази-Гирей. Последний бежал и пришел в Чигирин и просил через гетьмана принять его в русское подданство. В 1706 г. буджакцы просили султана, чтобы он лишил хана власти над Буджаком, на что султан ответил отказом⁸.

Нужно отметить, что в 1703 г. на Сечи начали нарастать антирусские настроения и еще в конце 1702 г. отправляли послов в Крым. Послы из Сечи просили в 1703 г. начать войну с русскими. Перекопский каймакан отправлял на Сечь послов узнавать живут ли казаки с русскими в мире. В июле в Крым ездил гетьманский посол И.Быховец, который урегулировал дело с ограблением крымских купцов и говорил, что это дело рук кубанских ногайцев. Д.Голицын доносил Петру I о возможном общем выступлении запорожцев и крымцев. Зимой 1708–1709 гг. активизировались переговоры между крымцами и запорожцами. Ханские гонцы узнавали от украинцев о ходе дел на Украине и продвижении шведов. В январе в переписке между Головкиным и Толстовым выражалось опасение, что запорожцы и крымцы объединятся и помогут шведам. Но только часть запорожцев придерживалась прокрымской ориентации, другая часть была настроена прорусски. В февра-

ле К.Гордиенко отправил гонцов просить помощи у крымцев, но она не пришла, а прибыли только послы. Настроенные прокрымски запорожцы в марте ожидали подхода Девлет-Гирея II. Они взяли в плен полторы сотни русских на реке Царычанке и отправили их крымскому хану, а кошевой атаман в конце марта был на аудиенции у шведского короля. Карл XII в переписке с С.Лещинским жаловался на то, что хан только обещает поддержку запорожцам, но сам ничего не делает. При помощи запорожцев шведы смогли добиться от Девлет-Гирея II согласия выступить на стороне Карла XII. Девлет-Гирей II в переписке с турками обращал внимание на русскую опасность. В мае 1709 г. русские атаковали и разгромили Сечь, а крымский хан так и не оказал ей помощи. Турки не соглашались дать согласие на войну крымцев, предвидя поражение шведов под Полтавой⁹.

Весной 1709 г. шведы сообщали, что Запорожская Сечь с ними заодно. Кроме того, их войска находились на одном из татарских шляхов, ожидая подхода крымцев о чем они писали с территории Гетьманщины в Швецию. Шведы имели твердое намерение объединиться с крымцами. В 1709 г. османский султан позволил Девлет-Гирею II собрать войско. Причиной этого было выдвижение русским царем флота из Азова. Однако этот флот послужил разменной монетой. Чтобы продемонстрировать свою добрую волю Петр I сжег флот, а также выплатил большую сумму денег Османам.

Он хотел подкупить и Девлет-Гирей II, однако хан с возмущением отказался. Русские подкупив азовского кападжи-пашу и великого везира добились запрета выступления крымского хана против русских. Девлет-Гирей II твердый в своем намерении выступить против русских пошел на интригу с бендерским сераскером, который обещал, что повлияет на султана. Визирь отвечал, что позволит крымцам выступить, если туркам от этого будет польза. Однако крымский хан игнорируя позицию везира, вышел в приднепровские степи и к моменту Полтавской битвы вышел к городу Кобеляки и реке Самара, взял ряд населенных пунктов, то есть фактически начал войну против русских. На некоторое время Османы согласились на антирусский союз с крымцами и шведами, но дипломатические переговоры между Крымским ханством, Швецией и Османской Империей позволили русским выиграть время и одержать победу в битве под Полтавой, а потом разгромить Запорожскую Сечь. Сторонникам И.Мазепы из Гетьманщины пришлось удалиться в изгнание в Бендеры. Девлет-Гирей II стоял же на Самаре и Кобеляк до августа, очевидно ожидая из Стамбула отмашки для позволения осуществить масштабный поход, а не на рейд в пограничье. Вероятно, на принятие решения также повлияло то, что на помощь русским пришла калмыкская конница тайши Аюки. В Полтавской битве участвовали отряды калмыков и донских казаков. В случае выдви-

жения крымцев в район битвы при Полтаве им угрожало нападение со стороны этих противников¹⁰.

Османский хронист Мехмед Рашид указывал на присутствие в регионе Балтава московских и калмыцких войск. Украинцев же было названо поткалами (запорожцы) и страной Барабаш (Гетьманщина). Сообщалось, что под городом Балтава (Полтава) шведы были побеждены и бежали до Переволошна (Переволочная) вместе с Барабашами. Указывалось, что польский король Истанислав (С.Лещинский) просил у турков помощи против русских но так ее и не получил. По мнению турецкого хрониста, Чорлулу Али-паша, как и Юсуф-паша, инициировали поход Девлет-Гирея. Сообщалось, что шведы и украинцы после поражения прибыли в Кантемиров Юрт в полторах часах от Озю. 12 тыс. барабашей поселились в области Кардашим Орманы, принадлежащей крымцам¹¹.

После поражения шведов под Полтавой и пленении многих под Переволочной Карл XII прибыл в Очаков и через своего посла Клинковштрема предлагал союз крымскому хану. Давид Лехно сообщал, что крымский хан Девлет-Гирей II укрыл у себя короля Сивета (Карла XII). Послы русского царя требовали, чтобы хан выдал казаков и шведского короля, а хану взамен предложили править над татарами в Казани, после чего были высланы назад. В 1710 г. шведский посол С.Лагерберг прибыл в Крымское ханство. О своем пребывании в Крыму он оставил мемуары в сво-

ем дневнике. Кроме того он был военным консультантом. При крымском нуреддине на Кубани находился еще один шведский посол К. Скадер. Девлет-Гирей предложил Карлу XII союз на что тот ответил позитивно указывая, что к союзу нужно привлечь еще и П. Орлыка. В 1710–1711 г. карачи-бей Тимур из Ширинов писал ховканцлеру Карла II. В 1709 г. Девлет-Гирей II предлагал с крымско-татарскими всадниками достигнуть шведской Померании. В 1710 г. крымский хан предлагал в качестве эскорта 40 тыс. всадников. Для этого нужно было воевать с Австрией, но хана эта перспектива не пугала. Петр I угрожал Османам войной, если шведский король и казаки не будут выданы в результате чего началась русско-турецкая война¹².

В 1710 г. крымцы совершили поход на Слободскую Украину, ожидая подхода кубанцев, которые не смогли подойти из-за нападения калмыков Аюки-тайши. Водолога сдалась крымцам, а поселения Мерефа и Таранова оказали сопротивление. Наступление на русских пришлось свернуть из-за калмыков. Отступая Девлет-Гирей II взял Новобогородническую крепость на реке Самара, а Новосергеевская крепость капитулировала перед ним. Был оставлен крымско-украинский гарнизон, который был потом выбит из крепости силами левобережных казаков И. Скоропадского. В результате похода 1710 г. в ясырь попало 12 тыс. чел. Неожиданным шанс союзникам подарил Прутский поход, ко-

торый мог обратиться катастрофой для русских, если бы не дипломатический талант П. Шафирова и политическая близорукость турков. Девлет-Гирей II требовал от Ахмеда III голову Мехмет-паши Балтаджи, заключившего перемирие с русскими и упустившего Петра I. Он ее и получил, однако Османы не поддерживали идей хана относительно войны с русскими. Саид Мухаммед Риза указывал, что заслуга победы над Петром принадлежала Девлет-Гирею II. Султан потребовал выслать сменившего С. Лагерберга Г. Лютемана и прекратить сепаратные крымско-шведские переговоры. Также турки пожелали выдворить Карла XII из территории империи. Девлет-Гирей II оставался союзником мазепинцев и шведов до самого конца своего правления и смог добиться возобновления боевых действий против русских в 1712 г. Однако в том году крымскому хану приходилось отражать вторжение 20 тыс. калмыков на Кубань. По сведениям Мехмеда Рашида и Саида Мухаммеда Ризы в 1713 г. Османы сместили Девлета-Гирея II, а на его место поставили Каплан-Гирея. Предлогом для смещения хана был поход в Жанетию, где в битве при реке Пшаде он был разбит ополчением натухайцев и шапсугов. От этого однако внешняя политика государства не поменялась. В письме Каплана Гирея шведскому королю указывалось, что это письмо было ответом на дружественное письмо со стороны шведов переданное через Мустафу-агу. Вероятно, ини-

циатива продолжения союзных отношений принадлежала крымцам. Хан предлагал дружбу и призывал не забывать о Крыме и приглашал посетить Крым. В 1713 г. Хурреми Челеби Акай сообщал о прибытии в Хотин крымских войск. По сведениям Силахдара Фындыклылы, вопреки приказам не грабить русское приграничье крымские беи ходили походами под Астрахань. В 1716 г. по сведениям Саида Мухаммеда Ризы, Мехмеду Рашиду, Силахдара Фындыклылы известно, что по приказу султана Каплан-Гирея должен был двинуться в Темешвар, сын Азамат-Гирея Ислам-Гирей шел в Трансильванию, а Менгли-Гирей выдвинулся в Буджак. То, что крымцы не успели прийти к Белграду, когда его еще не взяли австрийцы, привели к тому, что султан сменил Каплан-Гирея Кара-Девлет-Гиреем III, который выдвинулся в Буджак для охраны Валахии. В 1718 г. на смену ему назначили Сеадет-Гирея и татарское войско вернулось в Крым. Крымское ханство было вынуждено вести войну за чужие интересы, находясь в плотной зависимости от Османов¹³.

Кайрский договор подписанный калгой Мехмедом с украинцами признавал Запорожье протекторатом Швеции. Турецкий султан издал два привелея Войску Запорожскому в 1711–1712 гг. В 1712 г. Девлет-Гирей провозгласил П. Орлыка гетьманом, в то же время К. Гордиенко провозгласил себя кошевым отаманом. Во время события названных Калабалык

гетьман заявил, что не признает крымский протекторат. В 1714 г. Карл XII передал Запорожскую Сечь под татарский протекторат. С того времени гетьман в эмиграции не имел никакой власти, а землями Сечи руководил кошевой атаман. Нужно отметить, что по отношению к полякам-станиславчикам (сторонникам С. Лещинского) и украинцам-мазепинцам в 1711 г. Мехмед-Гирей сын Девлет-Гирея II издал документ на латинском языке. Законным королем признавался С. Лещинский врагом назван король Фридрих Август II, декларировалась поддержка независимости казаков и поддержка Пыльпы Орлыка, как легитимного правителя. Калга намеревался отправить на помощь полякам возглавляемых Ю. Потоцким и запорожцам войско из ногайцев и буджакцев. Эти войска перешли Днестр у Рашкова. Винницу взял калга-султан, около Немирова были поляки и казаки, а ногайцы разместили свой кош между упомянутыми городами и Брацлавом. В Летописи Самовидца сказано, что Девлет-Гирей воевал под Немировым. В 1711 г. крымцы рассыпались по Правобережной Украине, однако не смогли взять Белую Церковь после чего кампания застопорилась. Обострились противоречия между союзниками. Поляки воевали на Брацлавщине и потом на Полесье, а крымское войско из ногайцев брало в плен население Правобережной Украины. Казакам П. Орлыка пришлось отступить от Белой Церкви в Фастов. Локальные успехи как победа

крымцев и украинцев над войсками И. Скоропадского под Лысянкой не имели какого-то серьезного значения¹⁴.

Города Киевского воеводства – Белая Церковь, Фастов, Черкассы, Чигирин, Канев оказались не по зубам крымцам. Однако в 1711 г. войска русских нанесли поражение кубанским ногайцам. В 1713 г. сержант Кубанской Орды Бахты-Гирей в нескольких стычках сражался с калмыками, а в 1715 г. добился большего успеха разбив их под Астраханью. Аюка потерял убитыми 3 тыс. и свою ставку. В 1713–1715 гг. кубанские ногайцы осуществляли набеги на южнорусские земли и Слободскую Украину. В 1716 г. кабардинцы захватили часть улусов едисанцев и джембойлукцев и передали их калмыкам. Против Бахты-Гирея выступил калга Менгли-Гирей, которого поддерживал сам старый-новый хан Каплан-Гирей. На Кубани они инспирировали восстание китай-кыпчаков. Бахты-Гирей же вошел в союз с Аюкой, сын которого Чакдрожап в 1716 г. разгромил китай-кыпчаков. По договоренности, достигнутой ранее, Бахты-Гирей выдал калмыкам едисанцев и джембойлукцев. Петр I же распорядился, что если Бахты-Гирей изъявит желание войти в русское подданство, то астраханский комендант должен будет без промедления осуществить принятие его под государеву руку¹⁵.

По сведениям Мехмеда Рашида, Хурреми Челеби Акая, Саид-Мухаммеда Ризы крымцы пришли в Кабарду. К ним присоеди-

лись многие кабардинцы кроме Кайтуковцев. Крымцы пришли в Кызыл-бурун, а кабардинцы бежали в Кашкадаг к Джан-Булат-оглу. Туда был отправлен отряд Бахты-Гирея. В 1725 г. по воле Ширинова ханом стал Менгли-Гирей II. В Иран в 1725 г. хан отправил калгу Сафа-Гирея, других беспокойных подданных было отправлено в Черкессию, однако это только отсрочило бунт в 1726 г. и крымские войска стали возвращаться в том же году. В кубанских степях Бахты-Гирей предотвратил вторжение калмыков и воевал в Черкесии. В 1734–1735 гг. черкесские правители покорились Каплан-Гирею, который во главе 80 тыс. войска привел к подчинению черкесов и кабардинцев, прорвал русские укрепления при помощи чеченцев и подошел к Дербенту. В 1717 г. Бахты-Гирей вместе с некрасовцами совершил большой поход в южнорусские земли и Среднее Поволжье. Османская Империя в 1717 г. потребовала от Сеадета-Гирея привести к покорности Бахты-Гирея. Османы считали Бахты-Гирея изменником, впрочем, как и крымцы. Для русской границы и Кавказа он был постоянной угрозой. В то же время в конце 1717 г. кубанские ногайцы совершили поход на донцев и разорили земли Войска Донского, но не смогли взять город Черкасск. В 1718 г. Бахты-Гирей подбивал кабардинцев на поход против русских. Правители Кабарды же хотели расколоть альянс ногайцев с калмыками, предлагая Чакдрожапу напасть на владения Бахты-Гирея.

В 1718 г. войска кубанцев вместе с некрасовцами и черкесами были разбиты в битве на Кубани войсками крымского хана Саадет-Гирея. В 1720 г. Бахты-Гирей примирился с Бахчисараем, а в 1721 г. выступил в поход против Кабарды вместе с ханом. Только в 1723 г. он был отстранен от власти на Кубани. Тем временем в 1718–1720 г. русские построили царицынскую оборонительную линию, а у калмыков после смерти Чакдоржапа в 1722 г. началась смута и на протяжении 1722–1725 гг. к Бахты-Гирею из калмыцких улусов бежало много ногайцев. В 1725 г. Бахты-Гирей поддержал мятежного Джан-Тимура из рода Ширин и просил помощи у калмыков, но был разбит и бежал в 1726 г. в Малую Кабарду¹⁶.

В 1725 г. Бахты-Гирей совершил поход на Кабарду и вместе с А.Кайтукиным разил войска Мистосовых, а в 1726 г. напал на османский Азак вместе с калмыками, что в общем не мешало Церен-Дондуку готовить поход на кубанцев, чтобы вернуть джембойлуков и едисанцев под свою власть. Походу помешала победа крымского хана над Бахты-Гиреем, который бежал в горы к абазиам, а потом перебрался в калмыцкие земли. В 1727 г. русский полковник склонял Бахты-Гирея к принятию русского подданства. Поход Салаата-Гирея, призванный окончательно разгромить Бахты-Гирея и нанести разгром калмыкам, был неудачным. В 1728 г. Бахты-Гирей заручился поддержкой калмыков, наемных запорожцев и части но-

гайских мирз пришел на Кубань, овладел улусами и изгнал Салаат-Гирея к черкесам. В 1729 г., вмешавшись в кабардинские дела, Бахты-Гирей погиб, выступая на стороне сераскера Инает-Гирея и кабардинского князя А.Кайтукина. Войско кубанских ногайцев было разбито черкесами-темиргоевцами. Возобновления союза с станиславчиками пришлось ждать до 1730 г. когда восстание ногайцев против Менгли-Гирея II вернуло на престол Каплан-Гирея. В 1732 г. хан встретился со сторонниками С.Лещинского среди польских шляхтичей. Он говорил, что готов выступить против Веттинов на польском престоле и их саксонцев лишь бы османский султан заключил союз с Францией и позволил бы воевать с русскими, которые угнетают Польшу. Переговоры велись с поляками через А.Гуровского и Я.Яблоновского. В 1733 г. Османы и Гиреи поддержали провозглашение С.Лещинского королем в Речи Посполитой¹⁷.

Заключение Ништадского мирного договора в 1721 г., позволило русским высвободить часть войск и отправить их в южном направлении, что позволило ограничить крымские набеги только землями Гетьманщины и Слободской Украины, а также Войска Донского. Нужно сказать, что саксонская династия Веттинов после возвращения при помощи русских на польский престол желала наладить отношения с крымцами. В 1713 г. в военный лагерь Каплан-Гирея у Каушан прибыл посол Войцех

Шорнель от великого гетмана А.Сенявского, который добился признания татарами польским королем Августа II в 1714 г. на условиях Карловицкого мира. В 1715 г. Каплан Гирей через посла Сефер-агу предложил польскому королю Августу II стать союзником Карла XII. Такая самостоятельность крымского хана, разъярила Османов. Каплан-Гирей был низложен даже несмотря на то, что корпуса крымцев в 1715 г. воевали в Море против венецианцев и в Венгрии против австрийцев. В 1718 г. посол Сеадета-Гирея IV Кантемир-мирза фактически был вынужден примириться с тем фактом, что Речь Посполита фактически находилась под протекторатом Петра I с которым Османы не хотели воевать. Обмен посольствами между поляками и крымцами фактически лишил поддержки со стороны Гиреев поляков-станиславчиков, как и мир 1713 г. Османской Империи с русскими лишил поддержки мазепинцев в обмен на то, что Запорожская Сечь стала протекторатом Крымского ханства¹⁸.

Особо стоит вспомнить о взаимоотношениях Крымского ханства с Молдавией. До Д. Кантемира количество крымских вторжений в Молдавию можно было сосчитать на пальцах. Молдаване регулярно платили дань и дарили ханам подарки. Выступление Д.Кантемира в русско-турецкой войне 1710–1713 гг. на стороне русских обусловило то, что Османы ужесточили контроль над Молдавией и стали назначать господарей практически

только из греков-фанариотов и увеличивали размеры дани.

В 1727 г. восстание буджакцев против хана не было поддержано. Количество их воинов составляло всего 8 тыс. кроме того, необходимо отметить, что буджакцы отправили ряд документов, компрометирующих хана и требовали возвращения на престол Каплан-Гирея. В это время к бунтующим присоединились силы гетьмана Д.Раковице. Г.Гика был вынужден заплатить много денег, чтобы ногайцы не вмешались в внутривосточную борьбу в Молдавии. Послы ногайцев вели себя очень дерзко в Яссах, но господарь не дал себя втянуть в войну. Буджакцы, лишённые возможности воевать в Молдавии, перешли во владения Речи Посполиты и вышли к Чигирину, а на Южном Буге ждали ледостава. Буджакцы рассчитывали вторгнуться в Крым, однако хан сыграл на опережение и выслал навстречу бунтовщикам войско во главе с калгой Тохтамыш-Гиреем. Адиль-Гирей отступил и заодно разбил при Хан-Кишласи войско буджакского ялы-агасы. Буджакцы угрожали Г.Гика разорением Молдавии. Османы приказали буджакцам находиться в мире с соседями, а Адиль-Гирею направиться в свой чифтлик. Адиль-Гирей, подобно Бахты-Гирею на Кубани, не желал мириться и предлагал взять Измаил и Килию, Браилу, вторгнуться в Румелию и Валахию, а также в Молдавию. Д.Раковице донимал Гирея просьбами напасть на Яссы. Однако Г.Гика бежал из столицы

и эвакуировал население в слож-
нодоступные регионы, например
Хотин. Господарь собрал войско,
что очень разозлило Адиль-Гирея,
который грозился прийти в Мол-
давию со своим войском. Однако
в конце осени создается антибуд-
жакский альянс. Кроме молдавско-
го господаря в него входили валаш-
ский господарь и ряд османских
пашей. В январе 1728 г. молдавские
силы подходят к Фелчиу, а войска
крымцев под руководством Тох-
тамыш-Гирея к Бендерам, валахи
подошли в Максинены. Буджакцы
стали переходить на сторону хана и
бунт пошел на убыль. Юсуф-мирза
во главе своих ногайцев Урмамбет-
оглы бежал в Речь Посполиту, где
пробыл три года, до того пройдя
огнем и мечем молдавские земли.
В 1728 г. валашский господарь по-
лучил от Менгли-Гирея II ярлык
с приказом вернуться домой, а сам
бунт утих. Тем временем молдав-
ский господарь стал у Кодрул Ки-
гельничюй со своим войском и
разбивал отдельные ногайские от-
ряды. Крымский хан со своим вой-
ском около года оставался в Буджа-
ке. Г.Гика просил османского сул-
тана, чтобы тот наложил на буджа-
ков контрибуцию для компенсации
разорения Адиль-Гиреем Лапуш-
нянских окраин и просил пересмо-
тра границ. Оба прошения были
удовлетворены, впрочем ногайские
мирзы сразу же начали оспаривать
такое решение. В 1730 г. Османь
сделали султаном Каплан-Гирея¹⁹.

Отношения молдаван с ногайца-
ми были напряженными. Под дав-

лением кочевников те вынуждены
были принять границу Халил-па-
ши в 1666 г., когда Урмамбет-улу
и Урак-улу заняли ряд молдавских
территорий. В 1699 г. по Карловиц-
кому мирному договору ногайцев
высылали из молдавских цинутов
в Буджак. В «Анонимной хронике
Страны Молдавии» сказано, что
«граница Халил-паши» была ста-
рой. Авантюра же Д. Кантемира
привела к тому, что буджакцы по-
селились в границах «двухчасовой
зоны» в Орхейском, Лапушнян-
ском и Кигечского цинутов. Дейст-
вия Джаун-мирзы также привели к
тому, что оседлое население бежа-
ло из района границы Халил-паши
в район Кодр. Занятие этих терри-
торий привело к тому, что часть но-
гайцев перешла к оседлости. Урак-
улу заняли территории Кайнары,
Чымышлия, Басарабяска, а также
в направлении Леоново и Хинче-
шт. Урмамбет-улу расселились в
районе Тараклии, Чадыр-лунги,
Комрата до Кагула и Кантемира.
В 1717 г. молдавский господарь
М.Раковице после опустошения
Молдавии крымцами во время
очередной австро-турецкой войны
поставил вопрос о возвращении
тюрками занятых территорий. В
1717 г. поместье подаренное вор-
ником Лупу крымскому хану было
возвращено молдаванам, а в 1719 г.
при поддержке Абди-паши Хотин-
ского инспирировал возвращение
территорий на север от линии Ха-
лила. В султанском фирмане и в
молдавской летописи сообщалось
о возвращении территорий на се-
вер от линии Халил-паши, однако

реально ногайцы земли не оставили. Налоги, уплаченные с занятых земель, поступали к турецкому уполномоченному, а не к молдавскому господарю. В 20-х гг. XVIII в. в Буджак прибыли ногайцы едиганцы и джембуйлуки, что значительно усилило их военный потенциал. Ногайцы расселялись вдоль левого берега реки Прут. Однако запросы в Стамбул от Михая Раковице все таки сделали свое дело. В 1725 г. Менгли-Гирей II получил распоряжение от султана изгнать ногайцев из Молдавии. Новый господарь Константин II Гика добивался возвращения к границе Халил-паши и назначению капыджи-паши, который бы изгнал ногайцев из захваченных земель. Турецкий сановник добивался возвращения ногайцев в границы Измаильского и Аккерманского кадиатов. Со стороны крымцев калга Адиль-Гирей, а со стороны молдаван Георгие II Гика, изгоняли буджакцев. Крымский хан и молдавский господарь объединили усилия, чтобы нейтрализовать Буджак. В 1727 г. Урмамбет-улы во главе Юсуфом-мирзой организовал заговор и подняли ногайских мирз на восстание, которое в том же году возглавил Адиль-Гирей. В Молдавии их союзниками был род Раковице, а в Крымском ханстве – род Ширин²⁰.

Крымцы были активны во время очередных австро-турецкой и русско-турецкой войн. В 1737 г. крымцы нападали на австрийцев, проходя Молдавию насквозь. Татарский полководец Мехмед-Керим осуществил большие опусто-

шения в Валахии и дошел до реки Олт. Однако крымцы не смогли выбить из города Бырлад австрийцев, а построй крымцев в 1737 г. подорвал экономику молдавского цинута Ковурлуй. Сам же Георгий Гика пользовался расположением и Гиреев и Османов. Через земли Молдавии крымцы думали напасть на Трансильванию, но были разбиты австрийцами еще в горах. В 1738 г. спэтар Валахии К.Дрэгенеску опасался вторжения крымцев, которые находились в Буджаке. Буджак стал островом стабильности, в то время как Крым и Кубань опустошали война и эпидемия. Война коснулась и Молдавии в 1739 г., но только района Хотина и Ставучан, вдали от степных кочевий²¹.

Крымский хан Селямет-Гирей в это время фактически заключил мир с Фридрихом Августом III. В письме крымского хана польскому королю упоминалось о Саксонии как о владении короля, что было справедливо, поскольку династия Веттинов происходила оттуда. В ярлыке 1742 г. упоминались буткалы (запорожцы) нападавшие на поселения крымцев. Хан предоставлял польским купцам ряд привелегий надеясь на сближение с Речью Посполитой против русских. В 1734 г. Каплан-Гирей в ответ на активность русских в Речи Посполитой перешел границу, вторгшись из Буджака. В Буджаке в эпоху австро-турецкой войны был назначен сераскер, который кроме контроля над местной ногайской ордой осуществлял контроль и над едиганцами и едичкульцами. В 1744 г. серас-

кер вел переговоры с запорожцами по поводу дел едисанцев. Однако активность крымцев в Восточной Европе ограничивались необходимостью противодействовать Ирану и осуществлять свою политику на Северном Кавказе. Гирей в 1737 г. напали на Речь Посполиту и опустошили местности в направлении Чигирина. В 1748 г. произошел инцидент с Шахин-Гиреем, который, будучи в опале, попытался попасть в Крым. Шахин был смещен с поста калги ханом, но бежал в Буджак и пробовал поднять бунт. В конце января 1748 г. он был разбит правительственными войсками. Крымский хан Селим-Гирей II попросил польского гетмана не пропускать его через владения Речи Посполитой, однако тот смог найти укрытие у своего старинного приятеля – старосты Каневскому. Молдавскому господарю Г. Гике также предписывалось совместно с крымцами захватить в плен Шахина. В конце 50-х гг. XVIII в. наметилось очередное обострение отношений между Речью Посполитой и Крымским ханством. Крым-Гирей требовал от поляков выдачи Хаджи-Гирея, который укрылся в Речи Посполитой в 1758 г. Этот царевич находился в Могилеве до 1760 г., когда хан подарил ему прощение. Очередное обострение произошло в 1763 г., когда Крым-Гирей сместили. В 1763 г. поляки напали на крымского купца у Балты. Инцидент дипломатическим путем хотели разрешить молдавский дипломат Г.Каллимаки и французский легат Фарнетти. В ярлыке хана, который был издан

в 1763 г. предписывалось создать специализированный институт для предотвращения подобных инцидентов²².

Нужно отметить, что молдавский господарь Георгие II Гика давил на крымского хана через Османов и требовал переселения ногайцев из Молдавии и Буджака. За Днестр были переведены Джембойлук и Едисан которые во время русско-турецкой войны перекочевали в Буджак. К январю 1741 г. в Буджаке не было никого кроме самих буджакцев. Выведение ногайцев также соответствовало интересам хана Селямета-Гирея. Г.Гика к тому же хорошо одаривал хана. В 1742 г. его на престоле сменяет К.Маврокордат. В 1742 г. он поднес дары крымскому хану. Во время междоусарствия в Молдавии и Крымском ханстве в 1743 г. буджакцы нападали на Молдавию. В 1745 г. крымский посол Саид-Селями посетил Молдавию и Валахию. Посол требовал значительные суммы за свою поддержку²³.

Румынская исследовательница С. Осман пришла к мнению, что эти государства не платили Гиреям харадж. Де Тот как Ж. Рюли не говорил о дани с дунайских княжеств. Однако в анонимном сочинении упоминалось о кошельках денег передаваемых молдавским правителем элите крымцев. Сообщалось, что таких кошельков было 240, по 50 экю в каждом. При этом в письме крымского хана валашскому господарю от 1765 г. упоминалась о ежегодной дани. Ш. де Пейсонель упоминал о дани

Валахии и Молдавии крымцам. В ярлыке Гази II Гирея Михаю Храброму упоминалось, что Трансильвания, Валахия и Молдавия с давних пор живут в согласии с татарами и платят им дань. При этом в османских документах упоминалось о дарах. Внешними наблюдателями и крымцами выплата денег выглядела данью, а на самом деле это были посольские дары и контрибуции типа упоминков, которые платили Русское государство и Речь Посполита до 1700 г. В османских документах для обозначения выплат из дунайских княжеств использовался термин *vergü*, а не *харадж*. Согласно фирману султана Ахмеда II Валахия платила хану, калге и нурредину, а также другим татарским лидерам эти выплаты. В документе из турецкого архива в дворце Топкапы упоминалось, что собирать деньги с Валахии и Молдавии ездил специальный человек. В тексте его было названо Ахмед-агой [Osman].

Нужно отметить, что в правление в крымском Ханстве Арслан-Гирея молдаване активно взаимодействовали с крымцами. Господари информировали Гиреев в частности о делах в Европе. О состоянии в Крымском ханстве они информировали французов и Османов. Арслан-Гирей не любил К.Раковице за то, что тот доносил Османам о крымских делах. Однако молдавские и валашские господа информировали крымцев о делах в Османской Империи. В 1751 г. крымцы и молдаване вели переписку с семьей Потоцких в Речи

Посполитой. В 1754 г. крымский посол совершил демарш по отношению к Речи Посполитой, однако молдавский дипломат разрешил это дело мирно. В 1758 г. состоялся бунт ногайцев приведший к власти Кырым-Гирея. Хан Халим-Гирей обложил ногайцев податью чтобы компенсировать убытки, которые причинили те запорожцам. Собирать контрибуцию отправился буджакский сераскер Сеадет-Гирей. Едисанцы во главе с Канай-мирзой восстали. Посланое усмирять их войско после первых удач было разбито, а жители Бендер находились в страхе от возможного вторжения. Едисанцы призвали к себе Кырым-Гирея, который прибыл из Добруджи. Буджакцы восстали против хана и избрали себе сераскером Хаджи-Гирея, а Кырым-Гирей двинулся к устью Днестра. Волнения в Крымском ханстве привели к татарским нападениям на юго-восточные границы Молдавии и к опустошению города Каушаны. В движение пришли ногайцы – едисанцы, буджакцы, джембойлуки, едичкульцы. С. Гика предотвратил большое вторжение до Карпат только контрибуцией. Ногайцы вторглись в Валахию через Фокшаны в Бузевский округ и разорили поселения вокруг Браилова. Молдаване, предчувствуя плохое, бежали в леса и горы. Едисанцы опустошали западную часть Молдавии, а буджакцы восточную. В плен было взято от 15 до 40 тыс. населения. В 1758 г. Османы сместили Халим-Гирея и возвели на престол Арслан-Гирея, однако и

тот не смог справиться с мятежами ногайцев. Бунтовала и Кубанская Орда. Только после назначения Крым-Гирея ханом едисанцы успокоились. Крым-Гирей кстати принимал участие в беспорядках и возглавлял поход едисанцев до Ясс, на него жаловались молдавский и валашский господаи. Крым-Гирей более любил пребывать в Буджаке. В 1760 г. ногайцы самовольно занимали молдавские цинуты, а в 1762 г. требовал от молдаван сто кошелей денег и, не получив их, совершил поход через Молдавию в направлении австрийской границы²⁴.

В мозаику международных отношений в Восточной Европе вплетались и отношения крымцев с Швецией и Францией. Возобновление интереса к сотрудничеству с шведами произошло после русско-турецкой войны, когда Крым опустошался русскими войсками в 1736–1739 гг. В 1738 г. в Стамбул прибыл шведский посол М.Синклэр, который предлагал туркам антирусский союз с Швецией. В Османскую Империю было отправлено посольство Хопкена и Карлсона. Эту миссию поддерживал французский адмирал Вильнёв. Осенью 1741 г. прибыл посол В. де Паради представлявший и французского и шведского короля. В двух письмах упоминалась дружба крымцев и шведов с временем Каплан-Гирея и Девлет-Гирея. В инструкциях подписанных Хопкеном и Карлсоном содержалась просьба атаковать русских незамедлительно. В письмах были

разные похвалы хану Селямету и его храброму народу. Предлагалось возобновить и укрепить союз между странами. В 1741 г. в декабре хан Селямет-Гирей II писал шведскому королю Фредерику I и второй раз в мае 1742 г. В этих письмах он назвал шведского короля своим братом, но не дал конкретного ответа, потому что был вынужден оглядываться на реакцию Османов. Активность крымцев обуславливалась тем, что шведы воевали против русских. Крымская дипломатическая миссия в 1742 г. прибыла до капитуляции финских городов, когда еще была надежда на перелом в войне. Однако события осени 1742 г. привели к тому, что надежды на заключение союза фактически не было. После этого попытки заключить союз с шведами уже не предпринимались. Нужно сказать, что французская дипломатия делала все возможное для активизации военных действий против русских со стороны крымцев и турок. Еще в 1732 г. в Бахчисарай прибыл де Хаг, а в 1737 г. барон де Тот, оставивший после себя одно из самых ярких описаний крымских татар в XVIII в. Главной задачей французских послов было обеспечить помощь С.Лещинскому при избрании королем Речи Посполитой и не позволить утвердиться Фридриху Августу III из династии Веттинов, а также поддерживать польскую оппозицию. Сейм Речи Посполитой выбрал королем С.Лещинского, но участие русских в войне за польское наследство привела к власти

спксонца. Крымцы отправили к Хотину 10 тыс. всадников. Каплан-Гирей поддерживал дружественный нейтралитет с валашским господарем, а сам остановился в 1733 г. вместе с ногайцами у Каушан (Кишинев). Отдельные отряды крымцев и буджакцев естественно грабили приграничье, но по данным «Хроники Грикулештов» получили от молдавского господаря только обычные дары и не более того. В 1733–1734 г. крымцы и буджакцы стал лагерями вдоль границы Молдавии с Речью Посполитой по Днестру. Во главе ногайцев стал Мехмед-Султан. Постой татарского войска дорого стоил Молдавии. В 1748 г. французский эмисар Ланси провоцировал крымцев на войну с русскими. Министр внешних дел Франции требовал учреждений представительств в дунайских княжествах и в Крыму. В 1748–1749 г. крымцы, угрожая вторжениями, требовали от молдавского и валашского господарей уплаты больших сумм денег. Это стоило престола К. Маврокордато. Кроме того опальные бояре могли жаловаться на господаря представителю хана – сераскеру. В 1756 г. французские резиденты готовили к войне с русскими крымцев и поляков-станиславчиков, а также поддерживали антирусские настроения в Молдавии. Важными были функции французского консульства в Крыму. Оно представляло также интересы шведского короля на юге. Французы координировали действия антирусских сил. Ему противостояло русское консульст-

во в Бахчисарае. Французский консул де Лянсе указывал крымскому везиру Ахмеду-Аге на шпионские действия русского резидента. Необходимо отметить, что сама дипломатическая служба в XVIII в. в Крымском ханстве пришла в упадок. Перекопские бей и каймакам были вынуждены обращаться за помощью к полякам для того, чтобы понимать русинский (староукраинский или старобеларуский язык)²⁵.

Попытки заключить союз с Пруссией наблюдались в эпоху правления Крым-Гирея I. Пребывая в кризисном положении от поражений от русских в Семилетней войне пруссы искали союза с крымцами. Инициатива заключения союза исходила от крымцев. Нужно сказать, что Крым-Гирей еще будучи сераскером Буджакской орды отправил в 1750 г. посольство в Берлин с предложением дружбы. В 1755 г. фон Рексин из дипломатической миссии в Стамбуле предложил посланнику Гаудену обратиться внимание на Крым. В ханство пруссами был отправлен в качестве агента завербованный голландец Боскамп, который наладил контакты с Крым-Гиреем. В октябре 1761 г. в прусский лагерь под Штреленом прибыл посол от крымского хана. В письме переданном королю Крым-гирей выражал свое восхищение талантом Фридриха II как полководца в Войне за Австрийское наследство (1740–1748) и предлагал сотрудничество в Семилетней войне. Посол Мустафа-ага прибыл в крайне сложный для Фридриха

II момент, когда русские осаждали Кольберг и взяли Швейдниц. Крымский хан передал через него письмо в котором обещал предоставить под командование короля 16 тыс. воинов. Фридрих II желал втянуть в войну Османскую Империю как противника русских, а касательно 16 тыс., то в ответном письме Кырым-Гирею предлагал отправить этот корпус в Венгрию, которая находилась под властью австрийцев. Представителем пруссов при Мустафе-ага был лейтенант А. фон дер Гольц, который через Речь Посполитую и Молдавию добрался в Крым. Для того, чтобы отвести внимание французских и русских агентов в Крыму от крымско-прусского союза, велись переговоры о покупке многих лошадей, для чего и была потрачена достаточно большая сумма денег. А. фон дер Гольц указывал на тяжелое положение и, что король ждет помощи от крымцев, которым предлагалось совершить набег на русские владения, тем более, что нарушив прежние обязательства перед Бахчисараем, русские прошли в Пруссию через Речь Посполиту. Кырым-Гирей указывал на свою зависимость от сановников в Стамбуле, но указывал, что может собрать войска под Аккерманом, однако намекнул что неплохо бы было простимулировать крымцев деньгами²⁶.

В Крымское ханство через Речь Посполиту прибыл еврей А. Цадек из Бреслау с дорогими вещами от пруссов. А. фон дер Гольц от Кырым-Гирея получил информацию, что нелюбо было бы от Османов

получить позволение на доставку нескольких сотен лошадей. Когда он прибыл назад в Пруссию, то через фон Рексина добивался исполнения задуманого. Однако в осуществлении своих замыслов он наткнулся на интриги Боскампа, который хотел удалить его из Крыма. Кырым-Гирей, внемля его словам, предложил фон дер Гольцу удалиться в Молдавию в Яссы, пока хан соберет войска в Аккермане. Смерть царицы Елизаветы привела к власти Петра III, который поспешил заключить мир с Пруссией. Тем временем Кырым-Гирей подошел к Чапчаклы и туда же из Ясс прибыл и фон дер Гольц. Крымский хан поблагодарил прусского короля за медицинскую помощь оказаную прусским доктором Фрезе (вылечившим его от геморроя) и высказал свои мысли прусскому послу. Он высказал неудовольствие тем, что прусский король поспешно заключил мир с русскими, которым не стоит доверять, а также критически отозвался о предложении короля воевать против австрийцев, которых не считал врагами, а теми, кто не причинил крымцам даже малейшего зла. Кырым-Гирей предлагал продолжить войну с русскими, а после этого хан сообщал, что готов пойти на войну с австрийцами и отправить против них 50 тыс. войска. К крымцам должны были прибыть деньги от пруссов в числе 450 кошельков, потом должны были прибыть еще 200 кошельков. Русские старались упредить выступление крымцев заявлениями о нейтралитете, срытии

возведенных на татарских землях крепостей и отступлении казаков из владений Крымского ханства. Пруссy предложили Крым-Гирею двинуться через Бендеры и Коханку и удалиться от русских границ. Хан прошел через Каушаны. В конце 1762 г. три прусских представителя отбыли из крымских владений и прибыли в Пруссию. Интриги в Стамбуле на некоторое время отстранили Крым-Гирея от власти и возможный союз Пруссии с Крымским ханством стал невозможным как по воле пруссов, так и по воле крымцев с Османами²⁷.

Заключение оборонительного союза Петра III с Фридрихом II обусловило невозможность нападения крымцев на русские владения. Более того, в случае нападений на русских Османов или крымцев король должен был предоставить финансовую помощь царю. Таким образом русская дипломатия сделала нереальным союз Гиреев и Гогенцолернов. Крымский хан в 1762 г. перешел Днестр и Буг, подошел до реки Мертвяводы и подошел до Мечетной чарталы, но не вступил в земли Речь Посполитой. Хан совершил поход в Молдавию до Тилигула по направлению к австрийской границе, но так и не пересек ее. Для того, чтобы войско не подняло восстание, подобное на восстание едисанских ногайцев, Крым-Гирей отправил свои войска в земли черкесов-темиргойцев, после чего хана вызвали в Стамбул и низложили. Османский султан не хотел начинать войны с русскими. Нужно сказать, что в 1763 г. по-

ляки ограбили татарского купца, что стало причиной рейда татар из Каушан на польское пограничье, однако при посредничестве французских и молдавских дипломатов конфликт был урегулирован. В 1764 г. при помощи русских войск на престол Речи Посполитой взшел фаворит Екатерины II поляк С.Понятовский, что вызвало неудовольствие у крымцев²⁸.

Мир с Речью Посполитой позволял крымским и прусским миссиям контактировать и совершать путешествия через польскую территорию. Крымские правители находясь в зависимости от Османов были вынуждены отправлять войска в дальние страны. В 1743 и 1744 гг. соответственно 5 и 10 тыс. воинов сражались против персов. В Речи Посполитой укрывалась крымская оппозиция в лицах Ширинов и Субхана-гази, Фетха-Гирея и Хаджи-Гирея. Речь Посполита договором 1742 г. же обязалась не поддерживать Ширинов против хана, то есть они могли находиться в изгнании, но войсками им поляки не помогали. В 1750 г. в Бахчисарае прибыл посол С.Слугоцкий с подарками. В ответ прибыло крымское посольство. После этого прибывали и посольства в 1752, 1754 и 1756 гг. Веттины в общей сложности отправили в Крым за все свое правление 16 посольств, задачей которых, главным образом, была нейтрализация влияния польской оппозиции. Что, однако, не отменяло того, что в 1759 г. в Бахчисарае прибыл кухмистр литовский Ю. Подоский, который интересо-

вался, смогут ли татары оказать помощь против русских. Нужно отметить, что крымцы установили контакт с лидерами антирусской партии задолго до войны. Селим III Гирей в апреле 1765 г. писал киевскому воеводе Ф. Потоцкому, говоря о давней дружбе между Потоцкими и Гиреями. Максуд-Гирей в июле 1767 г. отправил письмо к короному гетьману Я. Браницкому. Крымское ханство несмотря на смену правителей систематически поддерживало антирусские союзы. Таким образом, перед русско-турецкой войной 1768–1774 г. польская оппозиция подготовила союз с крымцами²⁹.

Исследуя историю отношений Крымского ханства с Речью Посполитой невозможно обойти стороной события, которые последовали после того, как на престол Речи Посполитой взошел С.Понятовский в 1764 г. Правление династии Веттинов пагубно сказалось на судьбе Речи Посполитой. Для саксонской династии были важны дела в Саксонии, в землях же Короны Польской и Великого Княжества Литовского возростала власть магнатов и шляхты. Правление нового короля не решило проблем, а кризис только усугубился. На Среднем Поднепровье бунтовали бывшие казаки и крестьяне. Гайдамацкое восстание 1768 г. было апогеем социальных волнений проявляющихся уже ранее в 30-х и 50-х гг. XVIII в. И.Гонта и М.Зализняк возглавили восстание на Киевщине и на Брацлавщине, которое известно в украинской историографии

как Колиивщина. В 1767 г. в Крым прибыл поляк С.Маковецкий, который договаривался с ханом о войне против русских. В 1768 г. польская шляхта, объединенная антирусски настроенными магнатами, подняла восстание. Пересечение русскими границы и разорение Балты было для Османской Империи и Крымского ханства поводом для войны с русскими. Турки мечтали об овладении Каменцом-Подольским. Крымский хан Кырым-Гирей, возвращенный на престол в 1768 г., в 1769 г. отправил войска из Буджака к границе. Войско крымцев по данным И. Шевченко насчитывало 40 тыс. ногайцев, 3 тыс. казаков (некрасовцев), 20 тыс. янычар и 7 тыс. сипахов, 3 тыс. албанцев. Такие большие цифры вряд ли реальны. В Балте Кырым-Гирей застал 500 конфедератов. Простояв у Балты восемь дней хан отправил нуредина с 30 тыс. к Бахмуту, 20 тыс. на Орель, сам хан же вторгся в Новосербии. По сведениям барона де Тота крымцы разорили несколько десятков сел, однако Елисаветград так и не был взят. Хану должны были помочь конфедераты и соседиться с ним у Ладыжина. И. Потоцкий не успел вовремя. Кырым-Гирей обвинял же поляков в том, что они умышлено направили его в пустынную Новосербию. Отряд ногайцев направленный по направлению к Запорожской Сече не смогли переправиться через Днепр из-за природных условий и потом оказался в районе Елисаветграда. Крымцам не удалось взять город Цыбулев, а набег совершенный в

район Умани не привел к взятию города, а только к опустошению окрестных сел. Крымцы отступили сначала к реке Саврань, а далее к Ягорлыку и Балте. Войска калги действовали против запорожцев, а войска нуреддина двинулись против Бахмута. Русские войска вместе с донскими казаками отбросили крымцев к реке Гарновке³⁰.

В 1770 г. крымцы во главе с Каплан-Гиреем II, которого Рашид Мехмед называл последним богатырем из татар, вошли в Молдавию. В июле состоялась битва при Ларге, в которой после первых неудач 30 тыс. крымцев отступили. Правитель Эдисана Кан-Мамбет перешел на сторону русских. П. Панин попробовал добиться от крымского хана Селим-Гирея III перехода в русское подданство. В 1771 г. русские войска заняли Крым, а крымскотатарские послы вели переговоры с императрицей. Во главе ханства был поставлен марионеточный правитель Шахин-Гирей, а потом ровно такая же марионетка Сахиб-Гирей II. В Карасу-базаре был подписан договор между Крымским ханством и Российской Империей. В 1772 г. происходили переговоры в Фокшанах, а потом мир в Кучук-Кайнарджи в 1774 г., следствием которого было провозглашение независимости Крымского ханства и ногайских орд. В 1771 г. польские конфедераты были окончательно разбиты русскими. Разделы Речи Посполитой и аннексия Крымского ханства были лишь вопросом времени. Русско-турецкая война внесла

коренные изменения и в историю Молдавии. Русские войска заняли княжество и на его территории вели бои с турками, крымцами и буджакцами. Под давлением русских войск ногайцы были вынуждены оставить двухчасовую зону, а ногайское население, начавшее оседать на этих территориях, было выдворено в Буджак³¹.

Карловицкий мир принес большие изменения в Восточную Европу. Крымское Ханство оказалось зависимым от Османской Империи как никогда ранее. Главным противником крымцев в XVIII в. стала Российская Империя, однако активность крымцев в этом направлении сковывала Османская Империя. К реальному союзу Швеции с Крымским ханством дело пришло только во время правления Карла XII. То, что крымскому хану не удалось наладить эффективное сотрудничество, произошло из-за вмешательства сановников Османской Империи. Бахты-Гирей, став сераскером кубанских ногайцев, вопреки воле Бахчисарая и Стамбула беспокоил русские границы. Для периода 1700–1758 гг. характерны бунты ногайских орд, которые часто приводили к смещению ханов. Валахия и Молдавия находились в зависимости от Крымского ханства и преподносили ханам дары. Буджакские ногайцы периодически беспокоили эти страны своими набегами. В XVIII в. Речь Посполита в целом находилась в нейтральных отношениях с крымцами, которые всего несколько раз побеспокоили ее границы. Союз

Крымского ханства с Пруссией не смотря на уплату пруссами денег Крымскому хану, был саботирован самим прусским королем, когда русский царь Петр III решил пойти на мир и союз с прусским королем.

Отношения Крым-Гирея с Фридрихом II ограничились только дипломатическими переговорами. Более надежными партнерами в переговорах для крымцев были польские конфедераты.

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Возгрин В.Е. Крым-Гирей – первый хан Нового времени // Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 56–64; Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и османским султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008: Этнографические и культурно исторические аспекты. СПб., МАЭ РАН, 2010. С. 97–117. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_11.pdf; Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // V научные чтения памяти У.Боданинского. Симферополь, Антикава, 2013. С. 69.
- 2 Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической архивно ученой комиссии. Т. 43. Симферополь: Паровая типография Таврического Губернского земства, 1909. С. 1–88; Пономарьев О.М. Сказка Запорозького розвідника періода Семирічної війни (до кримсько-прусський відносин 1762 року) // Архіви України. Вип. 3 (291). Травень-червень. К., 2014. С. 251–257; Возгрин В.Е. Крым-Гирей – первый хан Нового времени // Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 56–64.
- 3 Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Książka i wiedza, 1987, 359 s.; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI, 1109 p.
- 4 Osman S. Did the Crimean khans collect tribute (harac or hazine) from Moldova and Wallachia? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.academia.edu/9635317/Did_the_Crimean_Khans_collect_tribute_har%C3%A2%C3%A7_or_hazine_from_Moldova_and_Wallachia; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // Stratum Plus. № 6. Кишинев–Бухарест. СПб., 2003.
- 5 Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 263–295 2010. С. 263–295; Чухліб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час, 2008. 263 с.; Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна в християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. К.: ВД Київсько-Могилянська Академія, 2010. 446 с.; Чухліб Т. Секрети українська полівасалітету. Хмельницький-Дорошенко-Мазепа. К.: ВД Київсько-Могилянська Академія, 2011. 327 с.; Станіславський В.В. Запорізька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Український історичний журнал. № 6. К.: Наукова думка, 1995. с. 3–21; Станіславський В.В. Політичні відносини Запорізької Січі й Кримського ханства напередодні Полтавської битви // Український історичний журнал. № 1. К.: Наукова думка, 1998. С. 76–86; Станіславський В.В. До історії взаємин Війська Запорізького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я у IX ст. до н.е. – XIX ст. н.е. К.: Інститут історії НАН України, 2008. С. 157–162; Станіславський В. Військо Запорізьке у воєнному протистоянні й мирних переговорах з Кримським ханством у світлі даних з документів Івана Мазепи 1691–1694 рр. // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. К.: Інститут історії НАН України, 2008. С. 185–208.
- 6 Грибовский В., Сень Д. Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской Империй в первой трети XVIII в.: Деятельность кубанского се-

раскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 194–198.

7 Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и османским султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008: Этнографические и культурно исторические аспекты. СПб., МАЭ РАН, 2010. С. 97–117 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_11.pdf; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI, P. 195 Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре I Великом // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1700-1720/Perechod_russ_grazd/frameset.htm; Крман Д. Подорожній щоденник. К., Просвіта, 2010. С. 170–171; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 4, 6–8; Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов, Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т.1. Одесса, 1844. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430; Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма, Симферополь, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/9.phtml?id=12929.

8 Чухліб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час, 2008. С. 140–150; Чухліб Т. Секрети українська полівасалітету. Хмельницький-Дорошенко-Мазепа. К.: ВД Київсько-Могилянська Академія, 2011. С. 63–88, 114–121; Таїрова–Яковлева Т. Іван Мазепа і Російська Імперія. Історія зради. К. Кліо, 2013. С. 117–140, 289–294; Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью Йорк – Київ – Львів – Острого – Торонто, 2003. С. 214–230, 302–312; Станіславський В.В. До історії взаємин Війська Запорізького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я у ІХ ст. до н.е. – ХІХ ст. н.е. К.: Інститут історії НАН України, 2008. С. 157–161; Кресін О. Політико-правові аспекти відносин урядів Івана Мазепи та Пилипа Орлика з Кримським ханством // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. К.: Інститут історії НАН України, 2008. С. 49.

9 Станіславський В.В. Політичні відносини Запорізької Січі й Кримського ханства напередодні Полтавської битви // Український історичний журнал. № 1. К.: Наукова думка, 1998. С. 74–84; Станіславський В.В. Запорізька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок ХVІІІ ст.) // Український історичний журнал. № 6. К.: Наукова думка, 1995. С. 7–19.

10 Возгрин В.Е. Крым-Гирей – первый хан Нового времени // Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 56–64; Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и османским султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008: Этнографические и культурно исторические аспекты. СПб., МАЭ РАН, 2010. С. 97–117. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_11.pdf; Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987, S. 241; Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, с. 1580–1714. The Realpolitik of Christian Kingdom. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://varldsinborderskriget.wordpress.com/2011/02/14/sweden-the-ottoman-empire-and-the-crimean-tartars-c-1580-%E2%80%931714-%E2%80%93-the-realpolitik-of-a-christian-kingdom/>.

11 Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 278–290.

12 Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и османским султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008: Этнографические и культурно исторические аспекты. СПб., МАЭ РАН, 2010. С. 97–117. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_11.pdf; Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // V научные чтения памяти У. Боданинского. Симфе-

рополь, Антиква, 2013. С. 69; Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, с. 1580–1714. The Realpolitik of Christian Kingdom. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://varldsinborderskriget.wordpress.com/2011/02/14/sweden-the-ottoman-empire-and-the-crimean-tartars-c-1580-%E2%80%931714-%E2%80%93-the-realpolitik-of-a-christian-kingdom/>; Lagerberg 1896 – Swen Lagerbergs dagbok under vistelsen hos Tartar-Chan Dowlet-Gherey. Göteborg: Wald. Zachrissons boktryckeri, 1896. XII, 268 s. Neculce Ion. Letopisețul Țării Moldovei (împreună cu «O samă de cuvinte»). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ro.wikisource.org/wiki/Letopise%C8%9Bul_%C8%9A%C4%83rii_Moldovei.

13 Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // V научные чтения памяти У. Боданинского. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Возгрин В.Е. Крым-Гирей – первый хан Нового времени // Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 56–64; Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987, s. 241–244; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 17–22, 24–25, 36; Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, с. 1580–1714. The Realpolitik of Christian Kingdom. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://varldsinborderskriget.wordpress.com/2011/02/14/sweden-the-ottoman-empire-and-the-crimean-tartars-c-1580-%E2%80%931714-%E2%80%93-the-realpolitik-of-a-christian-kingdom/>; Лехно Д. Девар Сефараим // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1848. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1680-1700/Lekhno/text1.phtml?id=5451>; Очерки внешнеполитической истории Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1987. 465 с.; Крупницький Б. Пилип Орлик на Правобережній Україні в 1711 р. // За державність № 4. 1934. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mazepa.name/pylyp-orlyk-na-pravoberezhnyi-ukrayini-v-1711-r/>; Крупницький Б. Гетьман Пилип Орлик (1672–1742). Його життя ы доля. Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1956. 80 с. Раздел 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/rizne/krupn.htm>.

14 Кресін О. Політико-правові аспекти відносин урядів Івана Мазепи та Пилипа Орлика з Кримським ханством // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. К.: Інститут історії НАН України, 2008. С. 58–67; Крупницький Б. Пилип Орлик на Правобережній Україні в 1711 р. // За державність № 4. 1934. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mazepa.name/pylyp-orlyk-na-pravoberezhnyi-ukrayini-v-1711-r/>; Крупницький Б. Гетьман Пилип Орлик (1672–1742). Його життя ы доля. Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1956. 80 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/rizne/krupn.htm>; Дубина О. Похід Пилипа Орлика у 1711 р. (кримськотатарський та шведський аспекти) // Сіверянський літопис. № 3. 2011. С. 39–45.

15 Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 195–196; Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987, С. 241–242; Чухліб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час, 2008. С. 201–214; Грибовский В., Сень Д. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской Империй в первой трети XVIII в.: Деятельность кубанского сараскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 203–205.

16 Грибовский В., Сень Д. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской Империй в первой трети XVIII в.: Деятельность кубанского сараскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 205–214; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 33–47, 55–56.

17 Грибовский В., Сень Д. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской Империй в первой трети XVIII в.: Деятельность кубанского сараскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 214–218.

18 Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. S. 244–245; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international

diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 196–197.

19 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 255–261, 263–265.

20 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 248–254.

21 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 67–272.

22 Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У. Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 245–247, 249; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 198–200, 1004–1008; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 277–278, 288–289; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 70–82.

23 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 272–277.

24 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 278–279, 282–289.

25 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987, s. 247; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 265–267, 279–280; Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 9–10. К., 2010. С. 258–259; Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У.Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Swedish-Tatar military alliance against Russia. [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://www.forumbiodiversity.com/showthread.php/2351-Swedish-Tatar-Military-Alliance-against-Russia>.

26 Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // *Известия Таврической архивно ученой комиссии*. Т. 43. Симферополь: Паровая типография Таврического Губернского земства, 1909. С. 1–34; Пономарев А.М. Внешняя политика Крым-Гирея // *V научные чтения памяти У.Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 58–59; Шарль де Пейсонель. Записки о Малой Татарии. Дніпропетровськ, Герда, 2009. С. 54–66.

27 Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // *Известия Таврической архивно ученой комиссии*. Т. 43. Симферополь: Паровая типография Таврического Губернского земства, 1909. С. 35–53.

28 Пономарьов О.М. Сказка Запорозького розвідника періода Семирічної війни (до кримсько-пруський відносин 1762 року) // *Архіви України*. Вип. 3 (291). Травень-червень. К., 2014. с. 251–257; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 203–205.

29 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 249–252; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. 1109 p.

30 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 251–253; Чухліб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час, 2008. 263 с.; Татарчевский А. Деятельность барона де Тота в качестве консула в Крыму в 1767 г. // *Киевские университетские известия*. № 10. 1873. [Електронний ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Baron_Tott/text1.phtml?id=7501; Гуржій О., Чухліб Т. Гетьманська Україна. К. Альтернатива, 1999. 303 с. [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://>

31 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 255–261, 263–265.

32 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 248–254.

33 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 67–272.

34 Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У. Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 245–247, 249; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 198–200, 1004–1008; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 277–278, 288–289; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 70–82.

35 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 272–277.

36 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 278–279, 282–289.

37 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987, s. 247; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 265–267, 279–280; Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 9–10. К., 2010. С. 258–259; Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У.Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Swedish-Tatar military alliance against Russia. [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://www.forumbiodiversity.com/showthread.php/2351-Swedish-Tatar-Military-Alliance-against-Russia>.

38 Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // *Известия Таврической архивно ученой комиссии*. Т. 43. Симферополь: Паровая типография Таврического Губернского земства, 1909. С. 1–34; Пономарев А.М. Внешняя политика Крым-Гирея // *V научные чтения памяти У.Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 58–59; Шарль де Пейсонель. Записки о Малой Татарии. Дніпропетровськ, Герда, 2009. С. 54–66.

39 Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // *Известия Таврической архивно ученой комиссии*. Т. 43. Симферополь: Паровая типография Таврического Губернского земства, 1909. С. 35–53.

40 Пономарьов О.М. Сказка Запорозького розвідника періода Семирічної війни (до кримсько-пруський відносин 1762 року) // *Архіви України*. Вип. 3 (291). Травень-червень. К., 2014. с. 251–257; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 203–205.

41 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 249–252; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. 1109 p.

42 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 251–253; Чухліб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час, 2008. 263 с.; Татарчевский А. Деятельность барона де Тота в качестве консула в Крыму в 1767 г. // *Киевские университетские известия*. № 10. 1873. [Електронний ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Baron_Tott/text1.phtml?id=7501; Гуржій О., Чухліб Т. Гетьманська Україна. К. Альтернатива, 1999. 303 с. [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://>

43 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 255–261, 263–265.

44 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 248–254.

45 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 67–272.

46 Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У. Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 245–247, 249; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland–Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: E.J.Brill, 2011, XXXVI. P. 198–200, 1004–1008; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 277–278, 288–289; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 70–82.

47 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 272–277.

48 Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 278–279, 282–289.

49 Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987, s. 247; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // *Stratum Plus*. № 6. Кишинев–Бухарест.СПб., 2003. С. 265–267, 279–280; Галенко О. Східна Європа 1704–1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 9–10. К., 2010. С. 258–259; Тимченко В.М. Дипломатичне листування між Бахчисараєм та Шведським королівством у 1637–1742 рр. (за матеріалами державного архіву Шведського Королівства, м. Стокгольм) // *V научные чтения памяти У.Боданинского*. Симферополь, Антиква, 2013. С. 69; Swedish-Tatar military alliance against Russia. [Електронний ресурс] – Режим доступа: <http://www.forumbiodiversity.com/showthread.php/2351-Swedish-Tatar-Military-Alliance-against-Russia>.

exlibris.org.ua/hetman/r5-p3.html; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. Год 1769. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. С. 129–138.

31 Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. S. 253–255; Хайдарлы Д. Молдавия и Крымское ханство 1718–1774 // Stratum Plus. № 6. Кишинев–Бухарест. СПб., 2003. С. 295–301; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. Год 1769. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. С. 129–138.

Сведения об авторе: Пилипчук Ярослав Валентинович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения им. А.Ю.Крымского НАН Украины, e-mail: bachman@meta.ua.

Аннотация: Данная статья посвящена взаимоотношениям европейских стран с Крымским ханством в 1700–1772 гг. Отношения с Речью Посполитой в XVIII в. были мирными и нейтральными, кроме нескольких случаев. Крымцы стремились установить союз с Швецией, но он приобрел реальную форму только в 1708–1711 гг. при Карле XII. Более поздние контакты с шведами были безрезультатными. Ситуацию в Крымском ханстве часто дестабилизировали восстания ногайских орд с 1699 по 1758 г. Они приводили к свержению ханов. Буджакские и кубанские сераскеры нападали на молдавские, валахские и русские земли. Эти ногайские орды отмечались особенной агрессивностью. В XVIII в. Гирей поддерживали союзные отношения с антирусскими польскими конфедератами и украинцами-мазепинцами. Крымские ханы осуществляли неудачные попытки создать буферное украинское государство, которое было бы протекторатом Крымского ханства. Попытка заключить альянс с Пруссией закончилась ничем, несмотря на деятельность А. фон дер Гольца. Фридрих II искал помощи у крымцев оказавшись в кризисном положении в 1760–1761 гг. Петр III заключив союз с Пруссией, фактически лишил Крым-Гирея возможности стать союзником Фридриха II.

Ключевые слова: Речь Посполита, Крымское ханство, ногайцы, сераскеры, Гирей, Швеция, Пруссия.

Abstract: This papers deals with the relations of the European countries with the Crimean Khanate in the 1700–1772 years. Crimean Tatars lost big battles against Polish king Jan Sobieski. Relations with Poland in the XVIII century were peaceful and neutral, except for a few cases in 1711 and 1733. Crimean Tatars sought to establish an alliance with Sweden, but it has got a real form only in the 1708–1711 in time of reign of Charles XII. More recent contacts with the Swedes were unsuccessful. The situation in the Crimean Khanate were crisis caused by uprisings of Noghay hordes from 1699 to 1758. They led to the overthrow of the Khans. Bugeac and Kuban seraskers attacked the Moldavian, Wallachian and Russian land. In the XVIII century Gheray dynasty supported the anti-Russian alliance with the Polish Confederates and Ukrainians Mazepians. Crimean khans performed unsuccessful attempts to create a buffer Ukrainian state, which would be a protectorate of the Crimean Khanate. Attempt to conclude an alliance with Prussia came to nothing, despite the activities of A. von der Goltz. Frederick II sought help from the Crimean Tatars in a crisis situation in 1760–1761. Russian Tsar Peter III made an alliance with Prussia actually deprived of Gheray opportunity to become an ally of Frederick II.

Keywords: Rzecz Pospolita, Crimean khanate, Noghays, seraskers, Gherays, Sweden, Prussia.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ПЕЧАТНОЙ НАУЧНОЙ КНИГИ

*З.З. Гилязов, кандидат филологических наук,
Р.А. Айнутдинов, кандидат исторических наук*

Развитие научной мысли неизбежно приводит к изданию научной книги, которая является компонентом репертуара книжной продукции и, вместе с тем, имеет особое значение, как массив публикаций, представляющих материал для исследования истории науки и научных коммуникаций. Изучение и историко-книговедческая интерпретация феномена татарской научной литературы имеет большое значение для развития науки и пропаганды научных знаний. Поэтому изучение истории татарской науки в исторической ретроспекции предполагает обращение к научной книге. Параллельное исследование истории татарской научной мысли и книжного дела раздвигают горизонты историко-культурного процесса.

Определение границ татарской научной книги связано с принципами типологии и классификации принятой в современном книговедении с учетом исторических особенностей татарской книги. Сейчас научную книгу понимают и как вид, и как тип издания. Отличительной чертой современного научного издания является наличие тщательно разработанного справочного аппарата, где содержатся новые факты и ценные библиогра-

фические сведения¹. Однако, это не всегда было так; содержание термина эволюционировало. Будет справедливо понимать под термином «научная книга» сочинения по различным отраслям знаний эмпирического и теоретического характера, излагающие результаты научных исследований, различного рода опубликованные источники и документы эпохи, отражающие процесс развития науки, включающие справочный аппарат и предназначенные для использования их в дальнейшей научной работе².

Помимо выше перечисленного следует учитывать национальные особенности татарской книги. В первую очередь это касается определения границ национальной книги. Общее системное представление о развитии татарской печатной книжной культуры было дано в трудах А.Г.Каримуллина. Ученый ввел в научный оборот понятие «татарская дореволюционная печатная книга»³, именно оно является основой для изучения национальной научной книги досоветского периода.

Возникновение печатной научной книги, как правило, связано с активной деятельностью различных научных сообществ. В связи с утратой государственности татары

были лишены возможности централизованного управления и развития национального образования и научной мысли. Распространение научных знаний шло через медресе. Поэтому не удивительно, что после разрешения татарам издания книжной продукции в XIX в. они появляются в её репертуаре практически сразу. Подобное положение вещей сохраняется до 20-х годов прошлого столетия, когда был изменен государственный строй и сформирована новая система высшего образования и науки.

Издание татарской научной книги не было централизовано. Этим делом занимались как сами авторы и частные лица, так и различные книгоиздательские общества, в том числе «Сабах», «Магариф», «Миллят» и др. Будет уместно дать небольшое пояснение и по поводу того, в каких типографиях издавалась татарская научная книга. В отличие от русской научной книги, которая печаталась в типографиях при научных или учебных учреждениях, татарская издавалась почти во всех типографиях, где печатались книги на арабской графике, среди них русские типографии Казанского университета, И.Н.Харитоновна, И.В.Ермолаевой и ее приемников, Б.Л.Домбровского и др.; татарские типографии «Бр. Каримовых», «Урняк», «Магариф», «Умид», «Баянелхак» и др.

Функциональной предназначённостью научной литературы является информирование научного сообщества о результатах исследований и пропаганда достижений

среди различных слоев общества. Центрами татарского научного мира были медресе, отличавшиеся самобытной системой образования. Изучение научных проблем целиком зависело от преподавателя. В частности в медресе казанского ахуна Ибрагима Худжаши (ныне Марджани) преподавалась «Гыйльме астроляб» (астрономия), Сагит хазрат в Кшкарском медресе обучал химии и географии⁴.

С развитием джадидского движения в медресе появляются программы и учебные пособия, обучение становится классно-урочным. Здесь необходимо уделить особое внимание тому факту, что в этот период нередки случаи, когда границы учебного предмета идентичны границам науки, учебники совпадают с научной монографией, логика учебного предмета схожа с логикой науки. В учебных пособиях полностью сохраняется уровень научного аппарата, принятый в той или иной области знаний, терминология, символика и используемые в науке методы изложения. Важную роль в развитии науки играет теория, представляющая, «обобщение исторического опыта в решении данной проблемы»⁵.

Наглядным примером могут служить работы Г.Сагди «Мохтэсар кавагыйде эдэбия» («Краткий свод правил по литературе», 1911), «Мохтэсар кавагыйде эдэбиягэ гыйлавэ» («Приложение к краткому своду правил по литературе», 1911) и Г.Баттала «Нэзарияте эдэбия» («Теория литературы», 1913). До этого вопро-

сы теория литературы рассматривались в науке «гыйлем эл-бэян», которая была достаточно далека от реалий татарской литературы. Ученые впервые в истории татарского литературоведения предлагают различные подходы при изучении проблемы. Г.Сагди пишет свои труды под влиянием турецких ученых, Г.Баттал опирается на русских. «Нэзарияте эдэбия» Г.Баттала определила дальнейшее развитие национального литературоведения.

Если проследить издание научной книги в тематическом отношении, то можно заметить, что больше всего выпущено изданий по гуманитарным наукам. Хотя встречаются издания по агрономии, химии, астрономии и т.д.

В частности, впервые разрешение цензурного комитета на публикацию книги по экономике было получено 20 ноября 1892 г. Это сочинение Г.Фаизханова «Китабе мәжалисэс-сэрвэт вәэл-мәгаш» («Книга собеседований (трактаты) о средствах к жизни и изобилию»). Данная работа являлась первым крупным теоретическим трудом, раскрывающим суть экономических явлений, понятий, категорий и законов. Как отмечает Ф.Г.Газизуллин, она «по характеру, природе теоретико-методологических принципов изложенной в ней системы экономических воззрений созвучна, прежде всего, с классической школой экономической теории, с учением А.Смита и Д.Рикардо...»⁶. К сожалению, в силу целого ряда причин моногра-

фия не была напечатана. Несмотря на это, будет справедливым учитывать данное сочинение при рассмотрении татарской научной печатной книги, так как в этот период издание книги требовало огромных материальных и духовных сил. Уплатив госпошлину, издатель посылал свое прошение и рукопись сочинения для получения разрешения в Петербургский цензурный комитет, после чего отпечатанные листы снова посылались в столицу для получения разрешения на выпуск. Если у цензоров не было претензий, выдавался «билет в свет». С данным документом издатель обращался к чиновнику особых поручений при казанском губернаторе, который разрешал выдачу книги из типографии издателем. Столь изошренная система сокращала количество изданий.

Труд Г.Фаизханова не был единственным случаем, по данным отчетов Санкт-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати в том же 1892 г. татарам в России была разрешена печать 93 сочинений, издано всего 57⁷. В связи с подобной ситуацией справедливо учитывать подобные рукописи в составе печатной продукции, если они получили разрешение на издание от цензурных органов, с оговоркой данного факта. Помимо неизданных сочинений по «вине» авторов или издателей, цензоры запрещали печать рукописей. Например, в 1885–1886 гг. не было дано разрешение на печать сочинения по медицине: «Тыйб» («Медицина»), «О зубных болез-

нях», «Свойства и употребление лечебных растений как медицинские средства» (даже, несмотря на то, что последние два были переводами с русского языка). Причиной подобных действий было отсутствие одобрения медицинским департаментом. Через некоторое время, все же удовлетворив «претензии» цензора, работы изданы отдельными книгами (кроме сочинения «О зубных болезнях»).

Столь пристальное внимание цензора, а также вносимые «правки» в тексты трудов, вынуждали авторов и издателей отказываться от печати уже готовых работ. Например, Г.Ильяс после сокращений цензора В.Д.Смирнова не стал печатать сочинение по истории татар XIII–XVI вв. «Дэшти Кыпчактагы татарларның тарихы» (История татар Кыпчакской степи)⁸. Подобные действия цензоров нанесли значительный урон развитию татарской научной мысли и обедняли репертуар татарской книги.

Дальнейшее развитие экономических идей Г.Фаизханова находит отражение на страницах книги «Мөхәррик-эл-эфкар» («Будитель мысли», 1893), изданной в Казани, где исследуется «состояние социально-экономической жизни татарского народа и содержащей практические рекомендации по ее изменению, качественному улучшению через развитие и совершенствование, прежде всего, экономики, ее составляющих, ее структуры»⁹.

К изданиям, вооружающим читателя знаниями о предмете эконо-

номической науки относятся труды М.Акъегетзаде «Иктисат, яһүт Гыйлм сирует: азадени тижарэт вә ысул химая» («Экономика, или Наука о богатстве: свободная торговля и способы ее защиты», Стамбул, 1898) и «Гыйлме сирует, вә яһуд Гыйлми иктисад» («Наука о богатстве, или Наука об экономике», Стамбул, 1900), где ощущается влияние идей немецкой исторической школы и маржинализма, а также создана собственная интерпретация классической макроэкономической модели, отражающая особенности социально-экономических отношений в Западной Европе, России и Османской империи на рубеже XIX–XX вв.¹⁰

Возникает справедливый вопрос, можно ли считать книги, изданные М.Акъегетзаде в Стамбуле, татарской научной книгой? Татарские издатели были вынуждены печатать свои работы за границей – таким образом удавалось избежать прямого вмешательства цензуры в содержание трудов. Цензура иностранной печати была либеральней, поэтому не удивительно, что такие цензоры как А.М.Осипов и В.Д.Смирнов были обеспокоены широким распространением изданий из Турции, Египта, Индии. С приобретением данных изданий не было особых сложностей, ибо, с момента появления татарской книжной торговли, издания из мусульманских стран всегда были в ассортименте, кроме того, почти каждый магазин оказывал услуги по доставке книг из-за границы. Для удобства выбора изданий печата-

лись «эсами көтеб» (издательско-книготорговые каталоги). Например, в 1914 г. был напечатан специализированный каталог книг магазина наследников Хусаинова «Миср вә Истамбул китаплары өчен эсами көтеб» («Каталог книг изданных в Египте и Истамбуле»), насчитывающий 330 названий¹¹. В подобных условиях издания татарских ученых и общественных деятелей за пределами России следует считать национальной книгой нескольких народов, в том числе и татар.

Активизировавшаяся в XIX – начале XX вв. работа по изучению истории татарского народа обусловило издание трудов по истории татар. Внимание ученых и издателей к историческому прошлому было не случайным. История народа является важным средством воспитания самосознания. По мнению Ф.Н.Шакурова «первым научным исследованием по национальной истории»¹² является труд «Мөстәфад эл-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар» («Полезные сведения об истории Казани и Болгар», 1 том – 1885 г., 2 том – 1900 г.), посвященный истории татарского народа до падения Казани; с этого сочинения начинается татарская джадидская историография¹³. Ш.Марджани в своих работах следует за Ибн-Халдуном в принципах классификации наук и определении предмета истории как науки, разделяет его взгляды на государство как социальный и политический институт, создающий и поддерживающий общественную гармонию.

Труд «Мокадимэ Ибн Халдунның фасыл...» («Введение о превосходстве науки истории») мусульманского философа средневековья, в переводе А.Джавдета, был издан в 1277 (1861) г. в Казани. Здесь уместно обратить внимание на определение границ национальной книги. Нельзя путать сочинение автора и издание его отдельной книгой. На данном примере мы видим произведение арабского автора, напечатанное татарами и для татар, которое является татарской национальной книгой. Схожая ситуация с работой Н.Ашмарина «Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880–1895гг.». Впервые напечатанная на русском языке в 1901 г., она является русской научной книгой, издание же в переводе А.Валиди, напечатанное на татарском языке под названием «Татар әдәбияты торышы», адресованное татарам и печатавшееся за их счет, в свою очередь является татарской научной книгой. Как правило, тексты оригинальных сочинений воспринимались издателями и переводчиками критически, делались добавления и вставки, иногда ненужные сведения опускались. Труды мусульманских ученых печатались больше на языке оригинала и в переводе в сравнении с европейскими и русскими учеными. Это связано с развитием научной мысли, которая была ориентирована на труды единоверцев. Такое положение стало меняться с развитием джадидского движения.

Татарская историческая наука активно развивалась, систематически издавались работы по истории татарского народа таких авторов как: Х.Амирханов, Мурад Рамзи Мекки, Р.Фахрутдинов, Х.Габяши, Г.Ахмаров, А.Валиди, Х.Атласов и др. В этот период активно шел сбор эмпирического материала, поэтому труды были разного научного уровня. Всех их объединяет стремление к полному освещению истории татарского народа. Следует отметить и то, что издавались также и работы по всеобщей и российской истории.

Раскрытие всего тематического разнообразия татарской научной книги возможно только после полного изучения ее репертуара. На данном этапе можно лишь очер-

тить общие границы исследования. Подводя итог, следует констатировать, что появление научных трудов является обычно завершающим этапом научных исследований. Их издание, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие науки. До XIX в. татарская научная книга существовала в рукописном виде. С момента разрешения в России издания национальной книги, научная литература занимает свое место в репертуаре неповременных изданий. Исследование этого огромного пласта истории национального книгоиздания позволит с уверенностью говорить о характере эволюции научной книги XIX – начала XX вв., существенно расширить представление об истории науки и развитии книжной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Ильичева Л.С., Сахаров Н.И., Архипова М.К. Библиография общественно-политической литературы: учеб. для библиотечных факультетов вузов культуры и педагогических вузов. М., 1988. С. 10.
- 2 Эрлих В.А. Научная книга в Сибири и на Дальнем Востоке. Издание, распространение, использование (XVIII – начало XX века): Дисс. ... д.и.н. Казань, 2010. С. 12.
- 3 Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань, 1992. С.57–62.
- 4 Рэми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияты бунча кыскача белешмәлек). Казан, 2001. Б. 155–156.
- 5 Гречихин А.А. Библиотипология как научное направление: Особенности становления и развития в российском книговедении. М., 2004. С.5
- 6 Газизуллин Ф.Г. Становление и развитие социально-экономической мысли татарского народа. СПб., 2004. С. 148.
- 7 Каримуллин А.Г. Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983. С. 107–111.
- 8 Там же. С. 112.
- 9 Газизуллин Ф.Г. Становление и развитие социально-экономической мысли татарского народа. СПб., 2004. С. 24.
- 10 Хамидуллина Г.Н. Экономические идеи в наследии Мусы Акъегетзаде, 1864–1923. Казань, 2003. С. 249.
- 11 Габдельганеева Г.Г. Книжная торговля в Казанской губернии. Вторая половина XIX в. – 1917 г. Казань, 2006. С. 98–99.
- 12 Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 г. Казань, 2002. С.16.
- 13 Там же. С. 21.

Сведения об авторе: Гилязов Зуфар Закариевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: gzz@mail.ru; Айнутдинов Раис Альбертович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, e-mail: r-antd@mail.ru.

Аннотация: *В статье представлен краткий анализ татарской печатной научной книги второй половины XIX – начала XX вв., выявлены ее границы, определено, что большая часть работ относится к гуманитарным знаниям.*

Ключевые слова: *татарская печатная научная книга, печать второй половины XIX – начала XX вв., Г.Фаизханов, М.Акъегетзаде, Ш.Марджани.*

Abstract: *The article presents a brief analysis of the Tatar printed scientific book of the second half of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries, revealed its boundaries, it is determined that most of the work relates to humanitarian knowledge.*

Key words: *Tatar printed scientific book, seal of the second half of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries, G.Fazikhanov, M.Akgegetzade, Sh. Marjani.*

РУКОПИСНЫЙ СПИСОК СУФИЙСКОГО АВТОРА XIV В. «КИТАБ АЛ-ДЖАВАХИР» («КНИГА САМОЦВЕТОВ»)

А.М.Салахов, кандидат филологических наук

Арабоязычные рукописи, хранящиеся в архивных и библиотечных фондах Казани, представляют собой как списки популярных сочинений, получившие новую жизнь в виде печатных книг, так и известные лишь для узкого круга специалистов и исследователей, и до сих пор существующие только в виде манускриптов. В этой связи среди рукописей, хранящихся в Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова наше внимание привлек экземпляр № 24 из коллекции № 39, который, по нашим сведениям, не имеет своего печатного аналога. Из библиографических источников об авторе трактата – Тахир бин Салам бин Касим ал-Хаваризми – нам удалось узнать лишь то, что он являлся факихом и был жив в 771/1369 г¹.

Книга состоит из введения и десяти глав. В введении излагается содержание сочинения, указывает какие труды использовал автор при его составлении, отмечается, что данный трактат был составлен для отрешившихся [от мирского] собратьев во время возвращения [автора] из хаджа на родину – Хорезм, на земле румов (Византия – А.С.). Введение также содержит традиционное признание в несовершенстве труда, просьбу читателей

вознести к Всевышнему молитву о прощении для его составителя.

В первой главе² излагается символ мусульманской веры в соответствии с учением Абу Мансура ал-Матуриди³. Главы вторая по восьмую⁴ посвящены изложению первичных положений, касающихся культа, в соответствии с ханафитским мазхабом – ритуальная чистота (разновидности вод, нечистот, действия, делающие малое омовение (вуду) недействительным, действия, требующие совершения полного омовения (гусл), намаз (время совершения намазов, намаз в пятничный день, при лунном и солнечном затмениях, при угрозе опасности, об испрашивании дождя, двух праздников, поощрительные элементы намаза (сунан), пост и пр.). Девятая глава⁵ посвящена различным вопросам: признаки человека, который относится к последователям Сунны, о пожелании благословения Пророку, о произнесении слов приветствия (салам), о приобретении средств к существованию, расходовании на близких и нуждающихся, этикет гостя, этикет принятия пищи, о проявлении богобоязненности, об использовании хны, сурьмы, стрижке ногтей, уходе за бородой, обрезании и пр. В завершении главы приводятся

сведения об Абу Ханифе и его достояниях в качестве факиха. Десятая глава носит название «Этикет последователей тариката».

Ввиду ограниченности объема статьи более подробно мы исследовали последнюю главу, как представляющую интерес с точки зрения изучения истории суфизма в Поволжье – важнейшей составляющей традиционного Ислама татар. Данную главу можно условно разделить на разделы, которые начинаются со слова «знай...» Число разделов 9.

Глава начинается с раздела⁶, в котором говорится о важности принесения покаяния, как действия, которое необходимо совершить человеку после познания единобожия и обучения тому, как следует поклоняться Всевышнему. Ибо невозможно искренне совершать поклонение, не оставив совершение ослушаний. Тяжесть грехов препятствует легкости в совершении благодеяний, они очерняют сердце и не позволяют получить наслаждение от поклонения Всевышнему. Если человека не коснется милость Аллаха, грехи могут привести к неверию и большому несчастью. Автор ставит вопрос: как человек, погрязший в грехах, будет наставлен Всевышним к совершенному поклонению и обращению к Нему тогда, когда он осквернен [нравственными] нечистотами? В пророческом предании сказано: «Если раб произнесет ложь, то ангел покинет то место из-за смрада, который исходит из уст человека». Насколько такой язык будет заслу-

живать поминания Всевышнего Аллаха? В этой связи необходимо принести покаяние, чтобы поклонение человека оказалось принятым, ведь кредитора не удовлетворит один лишь подарок от своего должника при невыплаченном долге. Это потому, что принесение покаяния и убажнение противников является обязательным, тогда как оставшиеся виды поклонения дополняют это. Будет ли подарок человека принят тогда, когда долг остается невозвращенным?

Второй раздел⁷. Тому, кто желает совершить покаяние и обратиться к Аллаху, следует очистить сердце от всех грехов, убажить противников, восполнить, по мере возможности, пропущенные обязательные молитвы в соответствии со словами Всевышнего: «Если кто-либо совершит злодеяние или будет несправедлив по отношению к себе, а затем попросит у Аллаха прощения, то он найдет Аллаха Прощающим и Милосердным»⁸. После этого совершить омовение и намаз, в котором искренне раскаяться во всех совершенных грехах и обратиться к Аллаху с мольбой о прощении. [...]

Третий раздел⁹. В человеке есть две стороны существования: внешняя – форма (тело) и внутренняя – сердце. Суть важна последняя, которую можно уподобить сердцевине ореха, тогда как тело можно сравнить со скорлупой. Человек, удовлетворяющийся материальной стороной существования, подобен ребенку, который забавляется с орехами, не подозревая о нали-

чии ценной сердцевины. Таковому надлежит напомнить о словах Всевышнего: «Знайте, что жизнь ближайшая – забава и игра, и красование и похвальба среди вас, и состязание во множестве имущества и детей...»¹⁰ Достижение сердцевины ореха (сердца, которое более [ценно перед Аллахом], чем Его трон, как сказал Всевышний в [хадисе кудси]: «Не способна вместить Меня ни Моя земля, ни Мое небо, но способно вместить Меня сердце Моего верующего раба») предполагает разбитие скорлупы, что означает подавление *нафса* (низменных пожеланий души. – А.С.) посредством *рийада* (благочестивой практики. – А.С.). Указание на это содержится в одном из высказываний пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует): «Умрите прежде, чем явится к вам смерть». Автор называет это джихадом¹¹, необходимым для человека, стремящегося к получению шариатского знания, и долгом салика (человека, стремящегося к прибытию к Аллаху. – А.С.), исходя из слов Всевышнего: «Усердствуйте на пути Аллаха надлежащим образом...»¹² [...] В подтверждение необходимости преодоления собственных страстей автор также приводит слова Всевышнего: «И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, – поистине, Аллах знает, а вы не знаете»¹³, где слова: «вы ненавидите что-нибудь» трактуется как отказ от потакания страстям, слова: «вы

любите что-нибудь» – телесные наслаждения, слова: «оно для вас благо» – истинное существование, «оно для вас зло» – лишение вечного счастья и духовных наслаждений.

В связи с тем, что на пути достижения довольства Аллаха человека подстерегает множество препятствий в виде наущений дьявола, собственных страстей и дурных нравов, для успешного преодоления этого пути необходимо иметь наставника, как сказал Всевышний: «О те, которые уверовали! Бойтесь Аллаха, ищите средства приближения к Нему и сражайтесь на Его пути, – быть может, вы преуспеете»¹⁴, где под «средством приближения» подразумевается наставник – *муриид*. Здесь очевидно суфийское толкование аята. В частности, в одном из популярных суфийских тафсиров «Рух ал-байан» = «Дух разъяснения» Исмаила Хаккы ал-Бурсави после того, как дается традиционное толкование данного аята: «“Ал-васила”, т.е. приближение [к Аллаху] посредством [совершения] благих дел... Это [слово] “ал-васила” имеет значение “то, посредством чего приближаются” к Всевышнему Аллаху...»¹⁵, приводится суфийский вариант тафсира: «Да будет тебе известно, что в священном аяте содержится откровенное повеление стремиться к средству приближения [к Аллаху], без которого ни коим образом не обойтись. Ибо прибытие к Всевышнему Аллаху не может осуществиться без средства, которым являются ученые истины

и шейхи тариката...»¹⁶ Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Позаботьтесь о спутнике прежде, чем выйдете в путь». [...]

Четвертый раздел¹⁷ является наиболее коротким: условием достижения цели (прибытия к Аллаху. – А.С.) является следование примеру Пророка, как сказал Всевышний: «Скажи: "Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, и тогда Аллах возлюбит вас..."»¹⁸

Пятый раздел¹⁹. Различие между тарикатом и шариатом состоит в том, что познание истины является следствием следования тарикату, а следование тарикату является следствием следования шариату при условии, что человек станет совершать деяния, основанные на богобоязненности и *набожности*. Когда для человека раскроется тарикат, в нем проявятся тайны истины (хакыйка). Для объяснения взаимосвязи шариата и истины, автор приводит высказывание своего наставника (шейха), который на вопрос о связи между шариатом, тарикатом и истиной ответил: «Если постящийся примет пищу [днем], то тем самым его пост окажется недействительным по шариату. Если же постящийся станет злословить, то его пост окажется недействительным по истине». Достижение тайн истины возможно только посредством исполнения деяний, которые разъяснил Законодатель. Ибо всякий путь (тарикат), не соответствующий шариату (закону), есть неверие (куфр), а всякая истина (хакыйка), относительно

которой не свидетельствует Книга (Коран), есть отклонение (илхад) и ересь (зандака). Является заблуждением считать, что возможно прорвать покрывало человеческих страстей и познать тайны истины без совершения духовной практики (рийада) под руководством наставника и поступая не в соответствии с шариатом. [...]

Раздел шестой²⁰. Человеку, изучающему шариатские науки и совершающему благочестивую практику, необходимо соблюдать четыре вещи – голод, ночное бдение, молчание и уединение. Первое важно потому, что оно способствует смягчению сердца, что является ключом к познанию духовных тайн (мукашафа), тогда как его черствость является причиной завесы. Чем больше будет сужено сердце, тем меньше будет в нем места для течения дьявола. [...]

Раздел седьмой²¹ является продолжением шестого раздела. Достичь цели (прибытия к Аллаху) можно только путем внутреннего очищения, а достичь внутреннего очищения можно только путем избавления от дьявольских наущений, от которых можно избавиться лишь посредством голода и жажды. Голод препятствует возникновению в сердце наущений дьявола в соответствии со словами Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Воистину, сатана течет в человеке вместе с током крови. Так сужайте же место его течения посредством голода». Также Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал:

«Смех [человека] голодного лучше, чем плачь сытого».

Абу Хамид ал-Газали в своем монументальном труде, посвященном суфийской практике «Оживление религиозных наук», указывает, что под голодом следует понимать умеренность в питании, ибо тяжесть вследствие чрезмерного приема пищи равно как и чувство голода препятствуют концентрации в поклонении. Вместе с этим голод как таковой полезен для начинающих муридов, поскольку способствует укрощению страсти и выработке умеренности²².

Ночное бдение способствует очищению и осветлению сердца, что присовокупляется к чистоте, возникшей вследствие голода. Отчего сердце становится подобным зеркалу и начинает понимать ценность жизни вечной и ничтожность ближайшей: отказывается от первой и устремляется к последней. Ночное бдение является следствием голода и невозможно при сытости. Сон сверх необходимого ожесточает сердце. Ночное бдение также способствует познанию духовных тайн (мукашафа).

Уединение означает оставление контакта с окружающими посредством отрешения. В основе своей уединение (халва) означает препятствование органам чувств посредством уединения *чувствовать* ощущаемое. Поскольку всякий *порок* проникает через каналы чувств. Этот порок ухудшает нафс (животную душу), делает его несчастным. Ввиду того, что душа (рух) сосуществует с нафсом, она

ухудшается также. Она одобряет то, что одобряет нафс, и видит наслаждение в том, в чем видит наслаждение нафс. Она начинает получать удовольствие от удовлетворения животных желаний и лишается при этом пищи духовной. Она забывает о радости от близости к Всевышнему. Благодаря уединению и загоразиванию чувств достигается удаление желаний нафса, являющихся предпосылками несчастья. [...]

Раздел восьмой²³. Человеку, стремящемуся к приобретению шариатского знания и прибытию к Аллаху (салик), необходимо всячески усердствовать в деле избавления от плотских страстей, ибо приближение к Аллаху возможно только при условии избавления от них. В этой связи рассказывают, что один шейх прибыл на прием к султану, который в тот момент находился в гареме. Люди собрались в ожидании около ворот дворца за исключением слуги, который заходил в гарем султана в любое время. На вопрос шейха о причине такого дозволения люди ответили, что этот человек евнух. Тогда шейх сказал: «Пречист Тот, Кто указал мне на путь приближения к Нему спустя семьдесят лет посредством евнуха». Из чего следует, что тому, кто желает приближения к Всевышнему, необходимо отказаться от плотских страстей, ибо следование страстям препятствует познанию духовных тайн (мукашафа). [...]

Раздел девятый²⁴. Следует знать, что страсти возникают в связи с

мирскими уладами и любовью к ним. Из этого следует необходимость избавления внешнего (телесного) от мирских улад и внутреннего (сердца) от любви к ним. Не должно обольщать ошибочное мнение, что погружение в мирские блага телом не приводит к их любви сердцем. Это разъяснено в словах Пророка (да благословит его Аллах и приветствует): «Человек, увлеченный мирской жизнью, подобен тому, кто идет по воде. Сможет ли человек, идущий по воде, избежать того, чтобы не замочить своих ног?» Данный хадис свидетельствует о невежестве тех, кто полагает, что при погружении в мирские улады их сердца остаются чисты от привязанности к ним. Это мнение является уловкой дьявола. На деле, если бы таковых лишили их улад, то они более чем кто-либо стали бы пребывать в смущении. Подобно тому, как хождение в воде неизбежно приводит к увлажнению ног, связь с мирским приводит к образованию в сердце мрака. А связь сердца с мирским препятствует ощутить наслаждение от поклонения, что, в свою очередь, является признаком отдаленности от Всевышнего Аллаха. [...]

На сайте университета им. короля Сауда (Саудовская Аравия, г. Эр-Рийад)²⁵ мы обнаружили другой список данного трактата (на первой странице рукописи имеется оттиск большой синей печати с легендой на арабском: «Библиотека университета Эр-Рийада. Отдел рукописей»). Рукописи присвоен №

97), дополненный десятым разделом и заключением.

Раздел десятый²⁶. Во время Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) не сооружались завийе и ханаке (обители для суфиев). По мере того, как век пророчества оставался в прошлом, распространялось невежество; совершение праведных дел, следование Сунне, искренность в устремлении становилось уделом шейхов и их последователей. В этой связи с целью уединения и совместного пребывания подвижники соорудили *завийе*²⁷ и *ханаке*²⁸. Впоследствии у них возникли специфические науки и термины.

Сердца большинства представителей настоящего времени лишены поминания Аллаха, тонких дел и радости [от близости] к Всевышнему. Им присуще невежество и отчаяние [в милости Аллаха], их внутренность наполнена злобой и ненавистью, они вобрали в себя дозволенное и запретное, не различают между друзьями и недругами. Они привыкли к праздности и предпочли существовать на подаяние, превратили ханаке в места увеселения. Они облачились в одеяния шейхов и произносят их речи, мнят о себе благое и полагают, что схожесть с шейхами внешняя означает схожесть внутреннюю.

В заключении²⁹ упоминается полное имя автора трактата – Тажир бин Салам бин Касим ал-Ансари, дата завершения написания трактата – начало месяца рамадан 771 года по хиджре, содержится обращение к Аллаху с мольбой о

прощении и милости, признание в упущениях и несовершенстве трактата, просьбу сделать это сочинение искренним [ради Его лика], вспомнить об авторе в молитвах тех, кто почерпнет из него.

Не исключено, что в располагаемой нами рукописи, последний (десятый) раздел был опущен переписчиком ввиду того, что содержит дискредитирующий материал в отношении части современных суфиев, тогда как трактат направлен на выработку и развитие высоких нравственных качеств посредством суфийской практики.

В трактате наряду с аятами Корана и хадисами пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) приводятся также изречения известных ученых и суфиев, которые мы, ввиду ограниченности объема, статьи не упомянули.

К сожалению, автор не указывает источники приводимых им хадисов, в связи с чем мы предприняли самостоятельную попытку их идентификации.

Хадис первый: «Если раб произнесет ложь, то ангел покинет то место из-за смрада, который исходит из уст человека». Данный хадис с небольшим различием приводится у ат-Тирмизи со слов Ибн 'Умара (да будет доволен им Аллах). (Книга о благочестии и почитании кровных связей; глава о произнесении правды и лжи³⁰): «Если раб произнесет ложь, то ангел отдалится от того места на милую из-за смрада, который он явит».

Хадис второй: «Не способна вместить Меня ни Моя земля, ни

Мое небо, но вместит Меня сердце Моего верующего раба» Мухаммад ас-Сахави в своем труде «ал-Макасид ал-хасана фи байан касир мина-л-ахадис ал-муштахара 'алал-алсуна» = «Благие устремления относительно изложения многих распространенных хадисов» назвал недостоверным, где привел слова Ибн Таймийи о том, что под «вмещением» в данном хадисе следует понимать то, что сердце верующего вмещает веру в Аллаха, любовь к Нему и познание Его³¹.

Хадис третий: «Умрите прежде чем явится к вам смерть» Исмаил ал-'Аджлуни в своем труде «Кашф ал-хафа' ва музил ал-илбас 'амма иштахара мина ал-ахадис 'ала алсун ан-нас» = «Удаление неясности с распространенных среди людей хадисов» назвал недостоверным и привел слова 'Али ал-Кари' о том, что это является речью суфиев и означает: умрите по доброй воле, отказавшись от следования страстям, прежде чем вы действительно скончаетесь не по своей воле³².

Хадис четвертый: «Позаботьтесь о спутнике прежде, чем выйдете в путь» ал-'Аджлуни по степени достоверности с учетом всех его версий назвал хорошим³³.

Хадис пятый: «Воистину, сатана течет в человеке вместе с током крови. Так сужайте же место его течения посредством голода». 'Али ал-Кари' в своем труде «ал-Асрар ал-мурфу'а фи-л-ахбар ал-мауду'а» = «Удаленные тайны относительно вымышленных преданий» указывает, что данный хадис

приводят в своих сводах ал-Бухари и Муслим, за исключением части: «Так сужайте же место его течения посредством голода», которое является дополнением, сделанным суфиям³⁴.

Хадис шестой: «Смех [человека] голодного лучше, чем плачь сытого». Относительно достоверности данного хадиса нам не удалось найти каких-либо сведений.

Хадис седьмой: «Человек, увлеченный мирской жизнью, подобен тому, кто идет по воде. Сможет ли человек, идущий по воде, избежать того, чтобы не замочить своих ног?» приводится в сводах хадисов ал-Байхаки «Шу‘аб ал-иман» («Ветви веры»)³⁵ и Ибн Абу ад-Дуний³⁶ и имеет следующую версию: «Мирская жизнь подобна тому, кто идет по воде. Сможет ли человек, идущий по воде, избежать того, чтобы не замочить своих ног?»

Исследование данного раздела позволило нам прийти к следующим выводам: в татарских конфессиональных школах преподавание догматов Ислама основывалось на учении ал-Матуриди, вопросы культа преподавались в соответствии с мазхабом Абу Ханифы, ду-

ховно-нравственное воспитание опиралось на суфийский метод; суфийский путь (тарикат) возник в качестве реакции на духовно-религиозную деградацию; умеренный тарикат представляет собой метод духовно-нравственного развития в рамках шариата; суфии разработали свою систему терминов и понятий для передачи различных состояний духовного свойства; суфии имели свой комментарий на Коран; в сочинениях суфийского характера могли употребляться недостоверные хадисы; суфии разделяли между формальными предписаниями религии – шариат и их духовной составляющей (сутью) – хакыйка (истина); Ислам ориентирует человека на вечную жизнь, степень и положение в которой определяется моральным обликом и качеством поступков в жизни ближайшей.

Аналитический потенциал данного источника, на наш взгляд, далеко не исчерпан. Особый интерес, как видится нам, представляет раздел, посвященный символу веры, содержание которого, надеемся, будет раскрыто в наших следующих публикациях.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Кахала У.Р. Му‘джам ал-му’аллифин. Бейрут: Дар Ихйа ат-турас ал-‘араби, б. г. Ч. 5. С. 35.
- 2 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, лл. 66 об. –73.
- 3 Абу Мансур Мухаммад бин Мухаммад ал-Матуриди (870–944) – основатель и эпоним одной из школ суннитского калама (мусульманской философии).
- 4 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, лл. 73–211.
- 5 Там же, лл. 211–220.

- 6 Там же, л. 220.
- 7 Там же, лл. 220 об.–221.
- 8 Коран / Пер. Э.Р. Кулиева. М., 2016. 4:110.
- 9 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, лл. 221–222 об.
- 10 Коран / Пер. Э.Р. Кулиева. М., 2016. 75:20.
- 11 Джихад – букв.: «усилие, борьба, усердие».
- 12 Коран / Пер. Э.Р. Кулиева. М., 2016. 22:78.
- 13 Там же, 2:216.
- 14 Там же, 5:35.
- 15 Ал-Бурсави И.Х. Тафсир Рух ал-байан. Бейрут: Дар Ихйа ат-турас ал-‘араби, 2001. Т. 5. С. 467.
- 16 Там же. С. 468.
- 17 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, л. 222 об.
- 18 Коран / Пер. Э.Р. Кулиева. М., 2016. 3:31.
- 19 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, лл. 222 об.–223 об.
- 20 Там же, л. 223 об.
- 21 Там же, лл. 223 об.–226.
- 31 Ас-Сахави М.А. Ал-Макасид ал-хасана фи байан касир мина-л-ахадис ал-муштахара ‘ала-л-алсуна. Бейрут: Дар ал-Китаб ал-‘араби, 2008. С. 380.
- 32 Ал-‘Адждлуни И.М. Кашф ал-хафа’ ва музил ал-илбас. Бейрут: ал-Мактаба ал-‘Асрийа, 2006. Ч. 2. С. 350.
- 33 Там же. Т. 1. С. 203.
- 34 Ал-Харави А. С. Ал-Асрар ал-марфу‘а фи-л-ахбар ал-мауду‘а. Бейрут: ал-Мактаб ал-ислами, 1986. С. 142.
- 35 Ал-Байхаки А.Х. Шу‘а аб ал-иман. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2008. Ч. 2. С. 361.
- 36 Ибн Абу-д-Дунья А.М. Маусу‘а раса’ил. Бейрут: Му’ассаса ал-Кутуб ас-сакафийа. Т. 2. С. 52.
- 22 Ал-Газали М.М. Ихйа’ ‘улум ад-дин. Каир: Дар ал-афак ал-‘арабийа, 2004. Ч. 3. С. 129–130.
- 23 Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 39, оп. 1, д. 24, л. 226
- 24 Там же, лл. 226–227 об.
- 25 Электронный ресурс, режим доступа: <http://makhtota.ksu.edu.sa>.
- 26 Отдел рукописей университета им. Короля Сауда, № 97, лл. 128 об.-129.
- 27 Завийя – приют для суфиев.
- 28 Ханака – суфийская обитель.
- 29 Там же, лл. 129-129 об.
- 30 Ат-Тирмизи М.С. Ал-Джами‘ ас-сахих. Бейрут: Дар ал-Китаб ал-‘араби, 2005. С. 570.
- 31 Ас-Сахави М.А. Ал-Макасид ал-хасана фи байан касир мина-л-ахадис ал-муштахара ‘ала-л-алсуна. Бейрут: Дар ал-Китаб ал-‘араби, 2008. С. 380.
- 32 Ал-‘Адждлуни И.М. Кашф ал-хафа’ ва музил ал-илбас. Бейрут: ал-Мактаба ал-‘Асрийа, 2006. Ч. 2. С. 350.
- 33 Там же. Т. 1. С. 203.
- 34 Ал-Харави А. С. Ал-Асрар ал-марфу‘а фи-л-ахбар ал-мауду‘а. Бейрут: ал-Мактаб ал-ислами, 1986. С. 142.
- 35 Ал-Байхаки А.Х. Шу‘а аб ал-иман. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2008. Ч. 2. С. 361.
- 36 Ибн Абу-д-Дунья А.М. Маусу‘а раса’ил. Бейрут: Му’ассаса ал-Кутуб ас-сакафийа. Т. 2. С. 52.

Сведения об авторе: Салахов Абдулла Мунирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, старший преподаватель Казанского Исламского института, e-mail: abdullasalakhov@yandex.ru.

Аннотация: *Статья посвящена описанию главы «Этикет последователей тари-ката» арабоязычной рукописи «Китаб ал-Джавахи́р», составленной Тахиром бин Саламом ал-Хаваризми в середине 14 в., и представляющей интерес в качестве суфийского источника, использовавшегося в системе народного образования у татар. В работе дается анализ глав, входящих в данный раздел, и выводы, полученные на основе исследования.*

Ключевые слова: *арабоязычная рукопись, суфизм, народное образование у татар.*

Abstract: *The article is devoted to the description of the chapter «Etiquette of the followers of the tariqat» of the Arabic-language manuscript «Kitab al-Jawahir» compiled by Tahir bin Salam al-Havarizmi in the middle of the 14th century and of interest as a Sufi source used in the public education system of the Tatars. The work analyzes the chapters included in this section and the conclusions obtained on the basis of the research.*

Keywords: *Arabic-language manuscript, Sufism, people's education from the Tatars.*

ПЕРЕХОД ОТ ГЕРОИКИ К РЕЛИГИОЗНОЙ ГЕРОИКЕ В ДАСТАНЕ «КАХАРМАН КАТИЛ»

*Л.Х.Мухаметзянова, доктор филологических наук,
Г.Р.Ахметгалиева, аспирант I года обучения
ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ*

Ислам был на протяжении веков неразрывной частью духовного мира татарского народа. Как известно, после 1552 г., т.е. после утери государственности ислам служил духовным оплотом выживания татарского этноса. Разрушение государственности стало причиной падения не только военных, политических, но и идеологических структур. В ситуации народа, попавшего в зависимость от иноконфессионального правления, религия становится важнейшим признаком национальной самоидентификации. Широкое распространение героических по форме, но пронизанных философией ислама дастанов в народной среде вызвано стремлением самосохранения народа. В период, когда невозможно было открыто заявлять о проблемах духовной зависимости, дастаны становились площадкой для обсуждения животрепещущих вопросов. Новые социально-политические условия в составе Российского государства способствовали стабильному развитию у татар эпического творчества именно такого содержания. Народные варианты дастанов «Кахарман Катил», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», «Джумджу-

ма султан» являются примерами подобных памятников. Татарские дастаны религиозного характера – стадийно новая группа героического эпоса, которая требует особого внимания. Для дастанного творчества тюркских народов эта тема ранее не разрабатывалась, в первую очередь, в силу определенных запретов на изучение религиозных аспектов художественной деятельности.

Среди татароязычных дастанов эта группа выделяется своей идеей и тематикой, своеобразным освещением сюжета и событий. Это – татарские национальные версии, возникшие под влиянием арабомусульманских письменных источников или освещающие события с религиозной позиции. Ограниченность, характерная для эпических сюжетов, эпических образов здесь обогащается религиозными элементами и мотивами. Например, герой в борьбе со своими врагами начинает уповать на помощь Аллаха. Если в древнетюркском эпосе он рассчитывал только на свои силы и в беспощадном бою добивался победы только ценой своих усилий, то здесь врагов (часто неверных) он побеждает с помощью Аллаха и подчинившись воле Ал-

лаха. Враги героя обладают качествами религиозных врагов (часто они выступают в образе кяфиров (кяфир – неверующий, неверный, безбожник, гяур¹).

Таким образом, следует сказать, что в героических дастанах религиозного характера эпические каноны подстраиваются под исламские каноны. Это очень важная особенность культуры, характерная для эпоса татар Поволжья.

Дастаны героико-религиозного характера – это творчество, в котором фольклорные традиции и индивидуальное творчество тесно переплетены. Поэтому они гармонично вписываются в ряд героических памятников, относящихся к категории книжного дастана². В сущности они являются героическими дастанами, т.е. как и героический эпос, пронизаны героикой. Но в силу религиозной темы в этих дастанах на пьедестал вместо могучего богатыря страны и народа поднимается пример героизма на пути веры, сюжет и события освещаются также своеобразно.

В различных научных центрах хранятся рукописи дастана «Кахарман Катил», переписанные татарами в XVIII в. А с начала XX в. он был несколько раз издан в типографиях Казани. Дастан «Кахарман Катил» описывает приключенческую героическую судьбу героев, в особенности главного героя, увлекает читателя своим полуреальным, полумифологическим сюжетом.

Слово «катил» с ударением на последний слог в переводе с араб-

ского означает «убийца»³. Исходя из сегодняшних эстетических соображений, такое прозвище не к лицу Кахарману Катилу. Но связь сюжета произведения с древним фольклором вполне допускает применение этого слова по отношению к герою произведения. Исходя из сюжета, становится понятным, что главный батыр в дастане Кахарман – и есть убийца, это слово следует воспринимать как есть. Он сражается с такой отвагой, что «рвет войско как три льва», «бьется, издавая рев дракона», «кровь погибших от его руки льется рекой» и др. В картинах, изображающих в дастане сражение, Кахарман никак не предстает как пример воспитанного благородства, он бесстрашный, безжалостный палач. Как это свойственно эпическому герою, он считает себя всегда правым, а врагов уничтожает. Следовательно, его своего рода «смертоносность» оправдывается на фоне борьбы за справедливость. Поэтому в содержании дастана на первый план выносятся не то, что Кахарман убийца, а то, что это необыкновенной силы богатырь, которому нет равных. Посвятив свой героизм святому делу – победе исламского войска, он прославляется верной службой своему падишаху. Несмотря на название «Кахарман Катил», в дастане он чаще всего упоминается как Кахарман, что в переводе означает «герой, батыр, богатырь».

Произведение достаточно сложное, в содержании которого нашли отголоски и архаические иранские пласты из священной книги Авес-

та – религии зороастризма, и пласты персидского мусульманства, и коранические мотивы, проникшие от арабов-мусульман, и влияние поволжских татар-мусульман, в том числе оно испытало влияние укоренившейся здесь этнической формы ислама. В татарском «Кахармане Катиле» можно выделить две большие сюжетные линии: религиозно-героическую и сказочно-мифологическую. Через события дастана, объединенные в единый сюжет, они находятся в тесной связи между собой. Эти две сюжетные линии и сами состоят из отдельных небольших хикаятов (рассказов), воспринимающихся как единое целое. Элементы, приближающие дастан «Кахарман Катил» к исламу, охватывают целиком и линию героического сюжета, и мифологическую часть, выполняют роль идеологического моста, объединяющего в дастане два больших сюжета.

Основная мысль произведения – усиление ислама. Преклонение перед Аллахом, упование на его милость всегда остаются главной точкой опоры в событиях произведения. Время и события в дастане обозначаются в соответствии со временем намаза (молитвы): «до ахшама», «после ахшама», «после полуденного намаза»; отношения богатыря и его возлюбленной укрепляются через никах; при описании событий каждое дело возлагается на волю Аллаха и исполняется с именами его пророков на устах, а героизм богатыря основан на условиях: «С помощью Аллаха», «Если Аллах даст сил» и т.д. Упоминание

имени Аллаха в тяжелых ситуациях, сборы в дорогу, полагаясь на Аллаха, воспринимаются в дастане как естественное явление.

События сюжета произведения, которые можно отделить в качестве мифологической части, подчинены этой же мысли. Например, когда шах Шахбал обратился за помощью к богатырю персидского падишаха Кахарману с просьбой спасти свою жену Кемеррух, Кахарман сразу отправляется в путь. «Полагаясь на милость Аллаха», он спускается на дно колодца, откуда и начинается мир дивов. Дивы, чувствующие приближение к ним Кахармана, говорят: «О, милостивый, да это же богатырь Кахарман». А див Шагбан, разрубленный пополам богатырским мечом Кахармана, оживает и говорит: «Эй, богатырь! В честь уважения твоей веры, поруби меня еще раз своим мечом!» Или же другой пример: после того, как Кахарман разрубил своим мечом дива Эквала, тот «переместился на седьмое дно ада». Как видно из примеров, кажущаяся в какой-то степени самостоятельной мифологическая сюжетная линия дастана не свободна от возвеличивания Аллаха, идеологии ислама и ведения религиозных войн.

В дастане войско шаха Хушана – падишаха персидского государства – в каждом случае соседствует с возвеличиванием в качестве исламского войска, а воины шаха Хушана, как правило, – исламские воины, мусульмане. Сам шах Хушан – «умный и сильный», чрез-

вычайно опытный руководитель, подчинивший себе всех падишахов, кроме индийского.

В одном из писем шах Хушан пишет индийскому правителю о святой миссии своего государства и доводит до его сведения о своем приближении: «От имени властелина земли и неба и его великого пророка. ...На верном пути Аллаха мы со своим мощным и многочисленным (больше, чем муравьев) войском очистим землю от язычников, и осветим весь мир светом ислама». Индийский царь призывается «встать на путь истины» сначала дипломатическим путем, в противном случае, с применением силы.

Как известно из истории, страна, которая начиная с VII в. вела захватническую войну под знаменем миссионерства с целью завоевания Индии – Арабский халифат, а не Иран. Персы также приняли ислам, глубоко пережив такое же влияние. В VII–IX вв. Иран и Средняя Азия в социально-экономическом плане вошли в состав Арабского халифата. В событиях дастана «Кахарман Катил», как это часто было характерно для фольклорного произведения, наблюдается искажение истории, подмена ролей. То, что в произведении распространителями ислама в Индии выступает мусульманское войско Ирана – видимо, результат того, что исторические события в фольклоре испытывают контаминацию. В татарском «Кахармане Катиле» это может быть отражением анахронизма, проникшего непосредственно через персидский письменный источник.

В «Кахармане Катиле» в нескольких местах упоминается, как вражеский правитель и его войско поклоняются огню. В перерывах между сражениями обе стороны хоронили своих погибших воинов. Если тела исламских воинов естественным образом предавались земле, то индийцы тела своих воинов сжигали. Мусульманский обычай захоронения в произведении противопоставляется вражескому ритуалу предания огню. Обычай сжигать трупы или оставлять их на съедение был очень древним, и ислам положил конец этим порядкам.

Арабо-персидские мусульмане огнепоклонников называли кяфирами. «Кяфир» – слово арабское, означает «непризнающий, неблагодарный, неверующий, безбожник, гяур», т.е. не признающий праведный путь, предложенный человеку Аллахом. В Коране он как правило используется в отношении язычников, не признающих ислам. Но в «Кахармане Катиле» слово «кяфир» ни разу не встречается. Все очень просто. Для татар кяфиры – это враги мусульман по вере – соседи-христиане. В Поволжье у татар слово «кяфир» адресовалось к соседним немусульманским народам. С исторической точки зрения это естественно и соответствует истине. В татарском эпосе-дастане есть тому примеры. Например, в дастане, посвященном Чура-батыру, на эту же тему откровенно написано, что врагами Чура-батыра являются соседние христиане, и в этих эпических произведениях они именуются кяфирами⁴:

Иблис – имя дьявола в исламе. «Дьявол – (греч. *diabolos* – сатана, черт, Иблис), в некоторых религиях (христианстве, исламе и др.) злой дух и глава злых духов, противостоящий богу; властелин ада»⁵. Образ Иблиса достаточно глубоко проник в татарское народное творчество и письменную литературу. Несмотря на то, что Иблис появился еще до Корана, бесспорно то, что сведения о нем татары узнали именно через Коран, в Коране о нем немало информации (сура «Пещера», 18:48, 18:50; сура «Аль Хиджр», 15:27; сура «Милосердный», 55:15). Тот факт, что в «Кахармане Катиле» вражеский правитель и его войско поклоняются огню, в произведении приравнивается поклонению Иблису, созданному из огня. По представлению исламского войска шаха Хушана, за вражеским огнем прячется Иблис, который является для них и богом. Получив от Бога-огня, олицетворяющего образ Иблиса, обещание победы, индийцы бросаются в бой и после довольно подробно описанного сражения, в конце концов, терпят поражение. Описание Иблиса не в религиозно-мифологической части дастана, а в светской, т.е. в части, пронизанной религиозной героикой, доказывает, что этот древний образ не имеет ничего общего с древнеиранской или языческой тюркской мифологией и введен в произведение с целью пропаганды исламской идеологии.

Татарский дастан по своему сюжету, именам образов-персонажей, типологическому своеобра-

зию произведения по большому счету сохранил верность персидско-иранским и тюрко-иранским традициям. Несмотря на то, что в основных мотивах дастана нет элементов, противоречащих исламу или касающихся доисламской жизни, его все же нельзя оценивать как произведение, овеянное полностью лишь религиозно-мистическими взглядами и воплощающее в жизнь учение ислама. Здесь речь идет скорее о народном типе ислама, а именно о религии этнических мусульман. Об этом говорит и частая замена имени «Аллах» или «Джанане Хак» на «хода», «ходай» и даже «тенгри». В словаре указано, что слова «хода» и «ходай» проникли из персидского языка, а по поводу слова «тенгри» сказано, что еще у древних тюрков оно употреблялось в значении «Аллах»⁶. Употребление в устном разговоре и в письме слов «ходай», «тенгри» в значении Всевышнего, казалось бы, не отвечает требованиям ислама, но использование слова «ходай» у татар и слова «тенгри» (в значении управляющего всем миром) у древних тюрков уже давно закрепилось на уровне местной традиции. Эта традиция вошла в такие жанры народного творчества, как баит, мунаджат, также стала нормой для лексики религиозных дастанов.

Популярную сюжетную линию в дастане составляют мотивы предсказаний и гаданий. Как известно, в соответствии с исламом гадание в исламе считается языческим деянием (ширк – с арабского означает

«многобожие», «язычество», т. е. создание подобия Аллаху). Аллах бесподобен и у него нет потребности ни в ком, поэтому «ширк» считается большим грехом и запрещается во всех формах проявления. Но, как это изречение было характерно для каждого народа, тюркам также было свойственно желание заглянуть в будущее и этот интерес в народе был достаточно силен. Известно, что у древних тюрков уже в конце IX – начале X в. была составлена знаменитая книга гаданий «Ырк битиг». Книга имела большое практическое применение. В древних уйгурских памятниках также упоминается книга гаданий «Ан битиг»⁷. Распространение в более поздние времена книг сонников, возникших на основе этой и других источников, можно рассматривать как отдельную ветвь занятия гаданием. Некоторые исследователи отмечают зарождение такого явления, как «мусульманская магия»⁸. Таким образом, некоторые порядки, которые в самый начальный период ислама были под запретом, на протяжении их существования в истории подчинились давлению глубоких традиций, связанных с человеческой психологией. Следовательно, несмотря на табу в исламе, возникали запретные деяния, более того, предсказания облекались в религиозные формы, даже использовали для этих целей Коран. Предсказание будущего по-арабски звучит как «гылем аль-гайб», т. е. «сокрытые знания». Несмотря на греховность этого деяния, гада-

ние, обращение к гадалкам, к книге гаданий в татарском народе также было чрезвычайно популярным. И в сюжете «Кахармана Катилы» эта древняя традиция, т. е. обращение к различным магическим средствам с целью предсказания будущего, занимает значительное место.

Для событий дастана совершенно не характерны элементы неожиданности, внезапности, отклонения от того, что было предсказано заранее, совершение произвольных действий. Основное правило – преданная служба исламскому войску падишаха, проявление беспрекословного подчинения. Все это соответствует требованиям ислама, предъявляемым мусульманам, следовательно, совпадает с основными правилами образа жизни народа, исповедующего ислам. Суть «Кахармана Катилы» как религиозно-героического дастана состоит в том, что здесь в рамках тюркских эпических традиций занимают место герои и события, не отступающие от правил религиозного бытия мусульманина.

Начиная с рукописей XVIII в. и до 20-х гг. XX в. произведение занимает свое прочное место в татарском наследии художественной словесности. Сюжет и ведущие образы дастана, которые идут от персидских письменных памятников, несмотря на переплетение с мифологическими мотивами, чрезвычайно близки жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу. Татарский героический дастан «Кахарман Катил» в жизни народа был не только духовной пищей, но

на решающем этапе исторического развития народа выполнял своего рода идеологическую функцию. Велика вероятность того, что популярность у татар дастана, повествующего о героических приключениях исламских войск в исповедующей языческую религию стране, непосредственно связана с идеей пропаганды и укрепления ислама. Татары-мусульмане, испытывавшие на себе при царизме миссионерские погромы и религиозные притеснения и гонения, благодаря хождению в рукописной форме, а позже и в форме печатных книг, таких героико-религиозных дастанов, как «Кахарман Катил», сохранили свою веру.

Итак, в татарском дастане в основе описания насаждения в дале-

кой Индии ислама лежат татаро-мусульманские взгляды о превосходстве ислама над язычеством. Главные идеи мусульманизации Индии в татарском дастане переплетаются с идеей и целью пропаганды ислама и укреплении его в Поволжье. Идеологическая направленность дастана обеспечивает переход героики в эпосе в религиозную героику, не противоречащую с традиционными канонами героического эпоса. В содержании дастана ислам играет большую роль, эта идея проводится в простой, доступной для читателя форме, главное внимание направлено к художественной эпичности, и именно это качество делает произведение увлекательным и живым.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Арабо-татарско-русский словарь заимствований (арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). В 2-х т. Т.1. Казан: Иман, 1993. С. 220.
- 2 Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань, 2014. 380 с.
- 3 Арабско-татарско-русский словарь заимствований. (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). В 2-х т. Т.1. Казань: Иман, 1993. С. 206.
- 4 Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Б. 44, 158.
- 5 Большой энциклопедический словарь. В 2-х т. Т.1. М: «Советская энциклопедия», 1991. С.419.
- 6 Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр, 1993. Б.151.
- 7 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С.155.
- 8 Емельянов В. Народный ислам. [Электронный ресурс] – Режим доступа: ethno.ru / cntnt/narodnij_i.html (дата обращения: 04.04.2017).

Сведения об авторе: Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, e-mail: lilmuhat@mail.ru; Ахметгалиева Гульназ Рафиковна, аспирант I года обучения ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, e-mail: gulnazero@mail.ru.

Аннотация: Эпос имеет определенные нормативные параметры. Присутствие в ткани эпоса чуждых элементов практически невозможно. Героика в эпосе – обязательное составляющее эпических событий героических дастанов, героическая сторона деятельности эпического батыра в борьбе за свободу, героическое содержание

произведения. В группе татарского героического эпоса отдельное место занимают героико-религиозные эпические произведения. Дастанный эпос «Кахарман Катил» героико-религиозного характера обладает определенными функциями в духовной жизни татар. В исламе, вере в Аллаха народ обрел избавление от национального и религиозного притеснения, находил духовное успокоение. «Кахарман Катил» охватывает древнюю мифологию, историческое прошлое народа, его религиозные традиции. В дастане прослеживается переход героики в религиозную героику. Авторами делается вывод, что подобные «нововведения» в татарском эпосе позднего периода является средством стремления народа на инстинктивном и сознательном уровнях сохранить свою веру, культуру, традиции, язык.

Ключевые слова: эпос, традиция, сюжет, Кахарман Катил, мусульманское войско, идеологическая функция, героико-религиозный.

Abstract: Epos has certain regulatory parameters. The presence of alien elements in cloth is almost impossible. The heroic in the epic is an obligatory component of the epic events of the heroic dastans, the heroic side of the epic batyr's activity in the struggle for freedom, the heroic content of the work. In the group of the Tatar heroic epic, a separate place is occupied by heroic-religious epic works. Dastant epic «Kakharman Katil» of heroic and religious character has certain functions in the spiritual life of the Tatars. In Islam, in the belief in Allah, the people recovered from national and religious oppression, found spiritual tranquility. «Kakharman Kati»l embraces ancient mythology, the historical past of the people, its religious traditions. In dastan, the heroic transition to religious heroics is traced. The authors conclude that such «innovations» in the Tatar epic of the late period is a means of the people's striving at instinctive and conscious levels to preserve their faith, culture, traditions, language.

Keywords: epic, tradition, plot, Kakharman Katil, Muslim army, ideological function, heroic-religious.

«ВОСТОЧНО-ЗАПАДНАЯ» ПРОБЛЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ А.С.ПУШКИНА

Г.У. Соронкулов, кандидат педагогических наук

Первые интерпретации этого аспекта пушкинского творчества можно встретить в статьях В.Г.Белинского, П.А.Вяземского, Н.Н.Страхова. Но это были лишь отдельные, хотя и весьма пронизательные, оценки и замечания. Серьёзно же проблема «Пушкин и Восток» начала ставиться в трудах советских пушкинистов ещё в первой половине XX в. Но только в 60-е годы при изучении проблемы мирового значения Пушкина начинается постепенно преодолевается свойственный преждему литературоведению европоцентризм и набирает силу изучение этой проблемы пушкиноведения в трудах Н.М.Лобиковой, В.А.Мануйлова, М.К.Нурмухамедова, Л.А.Шеймана, Д.И.Белкина и других исследователей.

Четырёхлетнее пребывание на юге России значительно обогатило представления Пушкина об ориентальном мире. Произведения этого периода свидетельствуют не только об отходе поэта от романтических традиций, но и о переключении его интереса от одного региона к другому, связанного с более глубоким постижением Востока. Именно к этому времени относится формирование у него самобытной художественной концепции Востока¹.

Ориентальная концепция Пушкина по мере углубления в культуру Востока, конечно, претерпевала изменения. По утверждению Л.А.Шеймана, раскрывая, подобно наиболее компетентным специалистам-востоковедам, «культурную самооценку каждой из двух зон человеческой цивилизации», Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличные от тех, какими двигались в поэтическом освоении «восточно-западной» проблематики корифеи современной ему и позднейшей западноевропейской культуры².

Крупнейшие европейские романтики (Байрон, В.Гюго) трактовали Восток, во-первых, как арсенал новых, необычайно ярких, экзотических красок, во-вторых, они форсированно противопоставляли Восток Западу в нравственном плане – как мира не только ослепительной роскоши, но и стихии зла, кровожадности, насилия.

Несколько особняком в литературе этого времени стояла книга Гёте «Западно-восточный диван» (1819 г.). Главным для него было возвращение к древним, патриархальным духовным ценностям и опыт западно-восточного духовного синтеза.

Если Восток Гёте воссоздавал, по существу, лишь на литературной основе, дистанцированно от реального быта и актуальных конфликтов этого ареала, то для Пушкина Восток – «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого. <...>

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не даёт готового ответа на эти вопросы – в виде истины в последней инстанции. Он ищет ответа <...>. И он вовлекает читателя в этот трудный поиск»³.

Ориентальная концепция Пушкина как часть его художественной аксиологии развивалась на всём протяжении творческого пути поэта, включая в себя и метод, и объект изображения. По мысли Д.И.Белкина, она выражала стремление поэта к принципиально новому показу ориентального мира, тенденцию ко всё более полному охвату этого мира средствами поэзии.

Концепция Востока обрела своё художественное воплощение во

многих произведениях Пушкина. Д.И.Белкин считает, что знакомство с его художественной концепцией следует начинать, опираясь на две взаимно дополняющие друг друга позиции. Первая, которую следует признать основной: многолетнее внимание поэта к восточному миру, характер его художественного проникновения в пласты культуры народов Востока целесообразно рассматривать не суммарно (не в проблемном аспекте), а по регионам. Это открывает возможность полнее увидеть результаты творческого постижения Пушкиным содержания и форм конкретной ориентальной культуры.

Вторая позиция предполагает рассмотрение интереса русского поэта к Востоку в динамике, в эволюции художественной манеры изображения ориентального мира. Многочисленные замечания Пушкина о прошлом Востока, судьбе его народов и их поэзии, <...>, не должны соединяться механически. Его мыслям, как и художественному изображению ориентального мира, были присущи диалектическое единство и глубокая внутренняя связь.

Региональный метод исследования позволяет привлекать множество дополнительных материалов, которые при узкопроблемном рассмотрении могли бы остаться совершенно незатронутыми. <...> Для Пушкина оказывается характерным переключение творческого интереса с одного региона на другой, но уже на более высокой ступени постижения ориенталь-

ного мира. Знакомство Пушкина с поэзией многих народов и даже её изучение завершалось всякий раз, говоря его словами, созданием «своего образца». Когда в духовном наследии Востока перед русским стихотворцем открывались «новые миры» и возникало желание вступить в творческий спор и предложить «свой образец», он стремился быть художественно и исторически точным. Именно поэтому ориентальная лирика Пушкина бережно сохраняет в русском контексте свою «национальную физиономию»⁴.

Во «всеобъемлемости и гармоничности» поэтического гения заключается «чудо Пушкина», его «протеизм», удивительная способность, оставаясь национальным русским поэтом, с одинаковой лёгкостью и в то же время глубиной проникать в мир Запада и в мир Востока.

Наиболее полно и последовательно развитие темы Востока, зарождение и совершенствование западно-восточного синтеза в поэзии Пушкина представлено в исследованиях И.С.Брагинского.

«Среднеазиатские аспекты» творчества Пушкина, «среднеазиатские интересы» великого русского поэта стали предметом исследований видного каракалпакского ученого М.К.Нурмухамедова (1930–1986). Отвечая на вопрос, что дала Пушкину для пополнения «его знаний о Средней Азии» поездка в Оренбургскую губернию, автор утверждает: «Пушкин не был в Средней Азии, но он был

у её ворот. И если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в степь, Среднюю Азию, Сибирь, и Пушкин многое увидел через это восточное окно»⁵.

Восстановлению некоторых страниц истории русско-киргизских литературных связей, связанных с именем великого русского поэта, посвятил свою книгу «Пушкин и киргизы» (1963 г.) Л.А.Шейман. Он отмечал, что при работе над «Историей Пугачёва» Пушкин широко использовал материалы известного учёного-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина.

Внимание Пушкина здесь привлёк трагический эпизод сравнительно недавней для него истории (1771 г.), в котором драматически сплелись судьбы «торгоутов» (калмыков) и «кэргызцев» (кыргызов).

Русского поэта этот исторический эпизод заинтересовал вначале как повод к возмущению яицких казаков, часть которых отказалась преследовать волжских калмыков, покинувших свои кочевья, не выдержав гнёта царских сатрапов, и потянувшихся по киргизской степи в Китай. Правительство двинуло против уральцев-ослушников войска с пушками. Вспыхнул бунт, ставший прологом к пугачевскому восстанию.

Картина социального гнёта под пером русского поэта стала и картиной гнёта национального. Такова, по мысли Л.А.Шеймана, «главная причина, вызвавшая исключительное внимание Пушкина к

событиям 1771 года и позволившая впервые вывести «кэргызцев-бурутов», т.е. коренных киргизов, на страницы русской классической литературы»⁶.

Но размышления поэта о судьбах казахов, киргизов и калмыков продолжались и после завершения работы над «Историей Пугачёва». Он уверен, что в будущем не будет вражды между ними. Именно поэтому в черновике стихотворения «Памятник», перечисляя народы, до которых дойдёт его поэтическое слово, Пушкин рядом с калмыком поставил и «киргизца».

Великий поэт, ещё в то время когда российское востоковедение только начинало делать первые шаги, сумел внести важный вклад в научное и подлинно гуманистическое освещение жизни и истории киргизов, организовав «публикацию первой отечественной научной работы, специально посвящённой отличию казахов от киргизов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А.И.Лёвшина, положившего начало русскому классическому киргизоведению.

Именно он, первый из корифеев великой русской литературы, продолжая исследования П.И.Рычкова, В.Н.Татищева и других авторов XVIII в., указал на условность наименования казахов «киргизами» («киргиз-кайсаками»). Изучение творческой лаборатории поэта-историка позволяет обнаружить документы о подлинных киргизах, сохраняющие и сегодня своё научное значение <...>.

Всё это позволяет по праву поставить имя Пушкина у истоков русско-киргизских литературных и культурных связей»⁷.

В следующей книге «Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина» (1996, 1997, 2004 гг.), написанной совместно с автором данной статьи, Л.А.Шейман продолжает и углубляет проблематику исследований более чем тридцатилетней давности. В частности, ему удалось выяснить, что много сведений о подлинных кыргызах Пушкин извлёк из журнала «Сибирский Вестник», уделявшего много внимания освещению быта и нравов восточных народов России.

Изучение этого журнала укрепило представление Пушкина о научной и общественной значимости казахско-кыргызской тематики в условиях 20-х годов XIX в., подготовило его к высокой оценке научных трудов своего одесского знакомого А.И.Лёвшина – фактического основоположника российского казахо- и кыргызоведения. Это чтение и могло ввести «поэта в проблематику, связанную с этнонимом «каменных», Тянь-Шанских кыргызов и с версиями об их исторических миграциях»⁸.

Благодаря многолетним изысканиям Л.А.Шеймана, окончательно установлен и принят крупнейшими пушкинистами тот факт, что именно Пушкин в конце января 1827 г. заказал А.И.Лёвшину через В.И.Туманского статью. Этот материал «Об имени Киргиз-Казахского народа и отличии его от

подлинных, или диких Киргизов» только что учреждённого журнала был опубликован в первом номере «Московский вестник».

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Белкин Д.И. Индийские мотивы в творчестве А.С. Пушкина // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 86.
- 2 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. Бишкек, 2000. С. 418.
- 3 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. Б, 2000. С. 429–421, 423.
- 4 Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 98.
- 5 Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент: Фан, 1984. С. 13.
- 6 Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. С. 67.
- 7 Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. С. 70–71.
- 8 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Киргизы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Бишкек: Фонд «Сорос–Кыргызстан»–Фирма «Айбек», 1996. С. 16.

Сведения об авторе: Соронкулов Гульжигит Умарович, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка и литературы им. Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, e-mail: soronkulov52@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возникновении интереса А.С.Пушкина к восточной тематике, впоследствии переросшей в ориентальную концепцию русского поэта, которая обрела своё художественное воплощение во многих произведениях Пушкина. Концепция Востока, как часть его художественной аксиологии, развивалась на всём протяжении творческого пути поэта, включая в себя и метод, и объект изображения.

Ключевые слова: ориентальная концепция, художественная концепция Востока, западно-восточный духовный синтез, аксиология, протеизм.

Abstract: The article discusses the question of the origin of Pushkin's interest in the Eastern theme, which later developed into an oriental concept of the Russian poet, which found its artistic embodiment in many works of Pushkin. The concept of the East, as part of his artistic axiology, developed throughout the creative path of the poet, including both the method and the object of the image.

Keywords: Oriental concept, artistic concept of the East, Western-Eastern spiritual synthesis, axiology, Proteism.

СОЦИОЛОГИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

С.А. Ахметова, кандидат философских наук

Кафедра общей и этнической социологии Казанского федерального университета в контексте развития социологической мысли имеет давнюю и непростую историю. Ее истоки коренятся в далеких шестидесятих, когда при кафедре диалектического и исторического материализма (заведующий профессор М.И.Абдрахманов) Казанского государственного университета приказом Министра высшего и среднего образования РСФСР от 2 января 1964 г. была открыта первая в Татарстане социологическая лаборатория вслед за Ленинградским, Московским и одновременно с Ростовским, Новосибирским и Уральским университетами. Импульсом к этому решению послужил, в частности, первый выход советских социологов на международную арену – участие в работе всемирных социологических конгрессов в 1956 и 1959 гг. Первым руководителем социологической лаборатории КГУ был доцент кафедры диалектического и исторического материализма Н.А.Аитов, специалист в области социологии труда. Первые репрезентативные социологические исследования – состояния религиозности населения республики, в том числе Казани, Бугульмы, сельских поселений – проведены сотрудниками этой

лаборатории под руководством доцента кафедры Р.Г.Балтанова (1965–1968), известного специалиста в области религиоведения. Краткие результаты опубликованы в ряде изданий российского и регионального уровня. Параллельно изучались другие темы: образ жизни студенчества казанских вузов, мотивация выбора университетского образования и другие.

В этот период сотрудники лаборатории, помимо исследовательской работы, занимались социологическим образованием: на факультете общественных профессий (ФОП) под руководством научного сотрудника лаборатории В.М.Котельниковой (впоследствии заведующая кафедрой философии Белгородской государственной технологической академии строительных материалов) в течение двух лет обучали азам социологической науки и практики будущих журналистов, математиков, историков, юристов.

Тем временем 22 мая 1968 г. вышло Постановление ЦК КПСС «Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР», сотрудники которого в течение 1969–1971 гг. осуществили ряд серьезных исследовательских проектов, одновременно провели несколько

массовых опросов для ЦК КПСС, Московского горкома партии.

В Казанском университете сотрудники лаборатории параллельно с плановыми проводили эмпирические исследования на общественных началах для партийных организаций.

Становление социологического образования в Казанском университете связано с функционированием общеуниверситетской кафедры научного коммунизма (1969 г.), заведующими которой были профессор К.Ф.Фасеев, затем профессор М.Х.Фарукшин. Под «крыло» этой кафедры переходит социологическая лаборатория под руководством доцента М.А.Нугаева (1969–1976), специалиста в области трудовой активности. При участии исследователей других вузов активно развивается промышленная социология: проводятся социологические исследования на Камском автозаводе, на промышленных предприятиях Казани. Это время расцвета заводской социологии, период плодотворного сотрудничества ученых и практиков.

Создание социологических служб на многих предприятиях страны вызвало потребность в кадрах специалистов-социологов. Прежние публикации в газетах типа «Зачем нужен социолог?» сменились новыми: «Где взять социолога?», «Требуется социолог». Сотрудники лаборатории занимались социологическим образованием как своим собственным, так и лиц, причастных к социологическим исследованиям: в Советском

райкоме партии, в двухгодичной школе социолога при Доме политпросвещения ОК КПСС, на промышленных предприятиях Казани и Набережных Челнов, где в 1973 г. в школе социолога для управленческого персонала читали лекции и проводили семинары по методике конкретных социологических исследований.

Вслед за этими процессами – созданием социологических подразделений и проведением социологических исследований – в Казанском университете открывается отделение научного коммунизма (1970 г.), где студенты изучают единственный тогда предмет социологического профиля – «Методология и методика социологических исследований». Наряду с теорией студенты, среди которых в советское время были учащиеся из других стран (Республика Куба, Восточная Германия, Монголия, Афганистан, Лаос, Вьетнам), овладевали премудростями проведения эмпирических исследований в ведущих учебных и научных центрах страны, в заводских социологических службах. Первоначально студенты практиковались на базе социологической лаборатории КАМАЗа в г. Набережные Челны (руководитель Н.С.Фатхуллин, впоследствии доктор философских наук, профессор), одновременно работая на главном конвейере (своеобразное участвующее наблюдение). Со временем научные связи кафедры расширились, география баз практики приобрела масштабный характер: это учебные и науч-

ные учреждения Москвы, Ленинграда, Горького, Риги, Таллина, Самары, Уфы, а также заводские лаборатории (помимо КАМАЗа, Нижнекамскнефтехим, ВАЗ), на протяжении 1970-х начала 1990-х гг. охотно принимавших казанских студентов. Особенно тесные деловые связи установились с коллективом Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при Ленинградском университете под руководством профессора В.Т.Лисовского. В настоящее время контакты продолжаются, но в иных формах, поскольку сохранить социологическую практику в период развития рыночных отношений не удалось. В постсоветское время научные связи поддерживаются посредством участия преподавателей и студентов КФУ в конференциях на базе социологического факультета СПбГУ. В свою очередь, петербургские студенты делятся результатами своих научных изысканий на конференциях в КФУ («Казанские студенческие социологические чтения» 2016 и 2017 гг.). Интересно отметить, что практикантка того времени Р.Х.Салахутдинова является одной из организаторов кафедры социологии молодежи и молодежной политики на социологическом факультете СПбГУ.

Преподаватели кафедры проводили конкретные социологические исследования в городах и сельских районах республики, зачастую по заданию партийных организаций. Взаимоотношения социологов с властными структурами были сво-

еобразными, их суть красноречиво сформулировал один из партийных функционеров, давая университетским исследователям очередное задание: «У вас мозги, у нас – власть». Социология развивалась преимущественно на общественных началах, результаты трудоемких исследований использовались, как правило, ограниченно, порой для иллюстрации положений докладов партийных работников, как своего рода «дань моде». Не всегда партийные деятели республики поддерживали инициативные исследовательские проекты. Так, не удалось полноценно включиться в лонгитюд, задуманный прибалтами (профессор М.Х.Титма), – всесоюзное исследование «Начало пути»: отслеживание судеб поколения выпускников средних учебных заведений на протяжении 15 лет с замерами через каждое пятилетие, проект, реализованный «без нас», без участия молодежи нашей республики.

Тем временем в стране назревала потребность в систематической подготовке квалифицированных социологических кадров: 3 января 1974 г. коллегия Министерства высшего и среднего профессионального образования СССР принимает решение «О подготовке специалистов в области конкретных социологических исследований». В Казанском университете первые шаги в направлении специализации «Прикладная социология» сделаны в 1979 г.

Одновременно с этими процессами в рамках Поволжского отде-

ления Советской социологической ассоциации с центром в Самаре действовал с 1982 г. Татарский филиал с центром в Казани. Установились тесные связи с учеными Самары: совместные конференции, совместные публикации, множество коллективных (вузы, заводы Казани и республики) и индивидуальных членов ССА.

В июне 1983 г. приказом № 759 Министерства высшего и среднего специального образования СССР в КГУ на историческом факультете создана кафедра научного коммунизма путем выделения ее из состава аналогичной кафедры университета, под руководством доцент Э.С.Рахматуллина, перешедшего из Казанского авиационного института, впоследствии доктора исторических наук, профессора.

Восстановлена как проблемная социологическая лаборатория под руководством доц. А.Л.Салагаева, специалиста в области девиантологии, впоследствии профессора, доктора социологических наук, зав.кафедрой конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета (выпускника отделения научного коммунизма Казанского университета). В течение ряда лет лаборатория была головной по изучению общественного мнения при Государственном комитете СССР по народному образованию.

Процесс социологизации образования происходил медленными темпами. Постепенно в программу подготовки специалистов включаются новые социологиче-

ские дисциплины, в конце 1980-х гг. выделяется небольшая группа студентов для специализации по прикладной социологии. Актуализация социологической проблематики, преобразование Института социологических исследований (Москва) в Институт социологии АН СССР (1988 г.) означают признание социологии в качестве самостоятельной теоретической науки. Одним из следствий этого процесса является дополнение к названию кафедры термина «социология» (1989 г.), с 1991 г. – кафедра социологии. Социологическое образование в стране приобретает легитимный характер. Эти метаморфозы означают институционализацию социологии как науки. Это знаменательное событие, поскольку начинается полноценная подготовка специалистов-социологов с высшим образованием. Первый выпуск профессиональных социологов в КГУ состоялся в 1995 г.

Многообразная деятельность исследователей кафедры не пропала даром: постепенно формировались предпосылки казанской социологической школы, разумеется, с участием исследователей других вузов Казани и республики. К ним можно отнести:

– Социологическое обучение и социологическая практика студентов Казанского университета, ставшая школой интернационального сотрудничества и научных коммуникаций.

– Функционирование социологических служб, помимо университета, в других вузах, организациях,

на промышленных предприятиях республики.

– Социологическое просвещение комсомольских, профсоюзных, партийных активистов сотрудниками кафедры посредством проведения специальных семинаров при райкомах партии, чтения лекций непосредственно на промышленных предприятиях.

– Активное участие социологов кафедры в работе конференций различного уровня, множество публикаций, отражающих разнообразные стороны жизни регионального сообщества.

– Становление социологического сообщества в республике благодаря функционированию Татарского филиала Поволжского отделения Советской социологической ассоциации (1982 г.) с центром в г. Казани, с 1990 г. – Татарстанское отделение ССА, а также координации деятельности социологических подразделений со стороны ССА.

Вместе с тем можно констатировать наличие проблем в развитии социологии того времени: 1. Слишком медленный и длительный процесс институционализации социологии как науки. 2. Частая смена научных лидеров и научных направлений. 3. Недостаточность крупномасштабных исследований в республике, в городах и сельских поселениях, которые могли бы дать целостную картину повседневной жизни различных групп общества. 4. Отсутствие коллективных монографий социологов республики. 5. Отрыв эмпирической социологии

от теоретической. 6. Взаимоотношения социологов с властными структурами – по принципу армейской иерархии.

Помимо высшего профессионального образования по социологии в университете готовятся кадры высшей квалификации – кандидаты и доктора социологических наук. На протяжении 19 лет (с мая 1992 по декабрь 2012 г.) при кафедре действовал диссертационный совет, принимавший к защите кандидатские, с 2009 г. – докторские диссертации. В совете защитились более сотни человек, в числе которых выпускники отделений научного коммунизма и отделения социологии университета, а также других вузов Казани и республики, приезжие из других городов страны и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Деятельность кафедры социологии, начиная с середины 1990-х гг. вплоть до начала 2000-х гг., тесно связана с Центром социологии культуры под руководством доцент С.А.Ерофеева, координировавшим взаимодействие социологов Поволжья и установившим научные контакты с учеными ряда стран (Италия, Бельгия, Германия, Великобритания, США). Эта деятельность приносит свои плоды в виде организации и проведения научных школ, совместных исследований и конференций¹, в конечном итоге – научных публикаций: с учеными Великобритании и Италии², Германии, Великобритании и США³. Неоднократно издается ставший популярным Социоло-

гический словарь Н.Аберкромби, С.Хилла, Б.С.Тернера в переводе с английского доц. И.Г.Ясавеева, выпускника отделения социологии Казанского университета.

Новая страница в развитии кафедры начинается с 2010 г., с процесса преобразования Казанского государственного университета в Приволжский федеральный, с повышения его международного рейтинга, с организацией высшего образования по Болонскому принципу, Руководство кафедрой этого периода осуществляет доктор социологических наук профессор Р.Г.Минзарипов, одновременно первый проректор, выпускник отделения научного коммунизма Казанского университета.

Интенсификация процессов научного сотрудничества отечественных исследователей с учеными других стран в постсоветском российском обществе отразилась в совместных публикациях: с французскими исследователями⁴. Для реализации научных работ исследователями кафедры все более активно используются научные гранты⁵.

Активизация научной работы связана с созданием в 2012 г. учебно-научной лаборатории социологических исследований под руководством доцента Ф.Ф. Ишкинеевой. Тематика исследований многообразна: воспроизводство социального и физического самочувствия студенчества, в том числе экспериментальный проект, характеризующийся медико-социальной направленностью: мониторинг

состояния здоровья студенчества в течение всего периода обучения в бакалавриате, сопряженного с учебной нагрузкой. На основе лонгитюда предстоит определить степень влияния учебной деятельности на состояние физического и социального самочувствия студентов, причем в динамике, в сравнении трех направлений подготовки: социогуманитарного, естественнонаучного, физико-математического. Кроме того, в фокусе внимания исследователей – адаптация иностранных студентов к условиям обучения в инокультурной среде; имидж Казанского университета; качество образования; коррупция глазами студентов и преподавателей и др. Результаты исследований отражены в ряде коллективных монографий⁶, множестве статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Преподаватели кафедры активно взаимодействуют с исследователями других подразделений университета (Институт фундаментальной медицины и биологии, Высшая школа информационных технологий и информационных систем), а также ряда стран (Лондонская школа гигиены и тропической медицины и др.). Наблюдается определенная преемственность в направлениях исследований преподавателей кафедры разных лет: традиционной остается студенческая проблематика, сохраняется интерес к этническим и конфессиональным отношениям, в фокусе внимания – социокультурные процессы в республике.

Интенсификация научных исследований, в том числе с иностранными партнерами, разнообразии проблематики, несомненное повышение качества исследований не могли не способствовать развитию социологической мысли республиканского сообщества. Как показывает деятельность сотрудников кафедры, многие проблемы предыдущих этапов развития социологического образования и социологических исследований в Казанском университете преодолены. Это связано, в частности, с преобразованием советского общества в российское, с созданием КФУ на базе КГУ, развитием междисциплинарных и межстрановых исследований. Социологическое образование одновременно с потерями приобретает «европейское» звучание: переход на трехступенчатую систему подготовки кадров (бакалавриат/магистратура/аспирантура), расширение возможностей международных контактов как для студентов, так и для преподавателей в контексте академической мобильности (Япония, Китай, Швеция, Германия, Италия, Бельгия, Великобритания, США).

Однако нельзя не отметить сохранение ряда проблем, в том числе отрыв эмпирической социологии от теоретической, до сих пор существует диссонанс в тандеме «теория – эмпирика»: недостаточная разработанность теорий, объясняющих специфику российских реалий, социальных изменений в постсоветском обществе, побуждает исследователей обращаться к методологически не всегда адекватным российскому обществу западным теориям. Кроме того, появляются новые проблемы, связанные, в частности, с выстраиванием эффективной системы подготовки в рамках трехступенчатой системы образования. Важно определить специфику подготовки кадров для университета третьего поколения. Если не знаешь, в какую гавань плывешь, никогда не достигнешь намеченной цели – известное выражение Сенеки ориентирует на поиск модели универсанта третьего поколения. При этом дух университетской культуры, демократизм в отношениях, академизм и практицизм учебной и научной деятельности должны воспроизводиться в новых поколениях.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Социальное знание: формации и интерпретации. Материалы международной научной конференции: Ч. 2. Казань: Изд-во «Форт-диалог», 1996. 138 с.
- 2 Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. / Под ред. С.А.Ерофеева и Л.Р.Низамовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 292 с.
- 3 Инновации в социальных науках: будущее исследований и преподавания / Тезисы международной научной конференции 9–10 ноября 2001 г. Казань: Изд-во «Терра-Консалтинг», 2001. 135 с.
- 4 Горожанин и природа. Трансдисциплинарное измерение устойчивого развития города: материалы международного семинара. Казань: Казан. ун-т, 2012. 287 с.

- 5 Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Науч. ред. Н.Г.Минзарипова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013. 267 с.
- 6 Социология культурного многообразия: учебное пособие для студентов социогуманитарных специальностей / Ахметова С.А., Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г., Низамова Л.Р., Нурутдинова А.Н. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 376 с.; Полиэтнический регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы / Под ред. С.А. Ахметовой, Ф.Ф. Ишкинеевой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 250 с.

Сведения об авторе: Ахметова Симбуль Абдулловна, кандидат философских наук, доцент КФУ, e-mail: giacint7@mail.ru

Аннотация: В статье дается краткая характеристика процессов становления социологического образования и социологических исследований в Казанском университете, начиная с 1964 г. по настоящее время. Акцент делается на специфике институционализации социологии в советском обществе, где длительное время было амбивалентное отношение к социологии: то она третировалась как буржуазная наука, то считалась панацеей от всех социальных проблем. Термин «социология» не сразу вошел в научный оборот: сначала использовалось понятие «социальные» исследования. Видимо, не случайно говорят, что социология является показателем степени демократичности общества.

Ключевые слова: социология, полиэтничное общество, мониторинг, репрезентация, лонгитюд.

Abstract: The article gives a brief description of the processes of formation of sociological education and sociological studies at Kazan University, from 1964 to the present. The emphasis is on the specifics of the institutionalization of sociology in Soviet society, where for a long time been an ambivalent attitude towards sociology: it is treated as an bourgeois science, it is considered a panacea for all social problems. The term "sociology" did not immediately entered into a scientific revolution: first used the term "social" research. It seems no accident say that sociology is an indicator of the degree of democratic society.

Keywords: sociology, poliethnic society, monitoring, representation, longitude.

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕПРИВИРОВАННЫХ ГРУПП В РОССИИ (НАРКОЗАВИСИМЫХ И ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ)

*М.Ю.Ефлова, доктор социологических наук,
Р.Г.Минзаринов, доктор социологических наук*

Социальная помощь социально исключенным депривированным группам – наркозависимым и людям, живущим с ВИЧ, направлена, во-первых, на индивида, с целью преодоления им барьеров и, во-вторых, на общество, формирующее условия для социального включения. В обществе формируется уровень толерантности к «иным», социально исключенным группам. Как показывают результаты общероссийских опросов (Фонда «Общественное мнение»), уровень толерантности россиян к наркозависимым весьма низкий.

Употребление наркотиков можно рассматривать как причину, так и следствие социального исключения. В любом случае, регулярное применение запрещенных наркотических препаратов влечет за собой ухудшение состояния здоровья, разрушение вертикальных и горизонтальных социальных связей, сложности в сфере занятости, сокращение экономических ресурсов, возможно, неправоверное поведение. Однако важно отметить, что социальная эксклюзия затрагивает не всех потребителей наркотиков и ВИЧ-положительных¹.

В зонах «полной эксклюзии» в России находятся потребители

инъекционных наркотиков, ВИЧ-положительные наркопотребители, потребители в местах лишения свободы, наркозависимые, имеющие проблемы со здоровьем, наркозависимые, состоящие на учете в наркодиспансере. Данные подгруппы имеют области взаимопересечения. Все указанные подгруппы вынуждены взаимодействовать либо с силовыми ведомствами, либо с государственными медицинскими учреждениями. Согласно проведенному исследованию, именно эти организации воспроизводят дискриминационные практики в отношении наркозависимых, что способствует социальному исключению. Таким образом, к объективным факторам социального исключения относятся: институционализированные дискриминационные сценарии, закрепленные в нормативных правовых актах, и дискриминационные модели, воспроизводимые в межличностных отношениях в государственных организациях. Наряду с этим усложняются взаимоотношения социально исключенного индивида в первичных социальных группах, и формируется депривация.

Авторами социальное исключение определяется, как институ-

циализированный сценарий для подавления, игнорирования обществом сложностей существования определенной группы и лишения определенного сообщества полностью или частично социальных, экономических, политических и культурных прав и возможностей. В связи с этим социальное включение предполагает реализацию практик с целью восстановления всего спектра прав и возможностей, толерантного отношения к данным группам со стороны общества и деинституционализация дискриминационных сценариев со стороны государства. Активными акторами и институтами процесса включения являются: непосредственно представитель социальной исключенной группы, активность которого проявляется в социальной адаптации; медицинские учреждения, деятельность которых заключается в лечении и оказании восстановительных услуг, институты гражданского общества, принимающие участие в социальной адаптации и иницирующие формирование безбарьерной среды; общество, интегрирующее данные группы и индивидов и органы государственной власти, деинституционализирующие дискриминационные законодательные и исполнительные практики. Рамки социального включения включают в себя процессы социальной адаптации, ресоциализации, интеграции, формирования безбарьерной среды. В процессе включения важное место отводится восстановлению позитивной самоидентификации

исключенного и толерантному восприятию его обществом.

Таким образом, в отличие от социальной реабилитации социальная инклюзия более широкий процесс, включающий в себя активность различных социальных, политических и медицинских институтов. «Под реабилитацией понимают систему государственных, социально-экономических, педагогических, медицинских, профессиональных, психологических и других мероприятий, направленных на предупреждение развития патологических процессов, приводящих к временной или стойкой утрате трудоспособности, на эффективное и раннее возвращение больных и инвалидов в общество к общественному полезному труду»². В реабилитации деятельность организаций направлена на восстановление больного, в социальном включении важное место отводится формированию безбарьерной среды, что влечет за собой трансформацию социальных институтов и изменение стратегий реагирования.

Представители социально исключенной группы с диагнозом наркомания имеют необходимость в лечении, более сложное и продолжительное лечение требуется для наркозависимых с ВИЧ-инфекцией. Социально-психологические восстановительные процессы желательно проходить при участии специалистов. Социальная инклюзия затрудняется у групп и индивидов, имеющих опыт пребывания в местах лишения свободы, в силу дополнительной стигматизации

данной группы. Особо стоит отметить значение института семьи и близкого окружения и институтов гражданского общества в реализации инклюзивных сценариев.

Эксперты Европейского Центра мониторинга наркотиков и наркомании (ЕЦМНН) в «Годовом отчете о состоянии проблемы наркотиков в Европейском Союзе и Норвегии»³ отмечают три элемента, составляющих социальную инклюзию наркозависимых – образование, жилье, занятость. Социально-экономические и политико-правовые условия Европы и России имеют свои особенности, что накладывает отпечаток на сценарии социального исключения/включения. В российских условиях институт образования «выставляет» меньшие барьеры для депривированных групп в отличие от института медицины. Таким образом, к векторам социального включения можно отнести – здоровье, жилье, занятость.

Определенный уровень образования (средняя школа, профессиональное образование) – имеется, за редким исключением в России, у большинства населения⁴. В связи с этим образование в данном контексте, предполагает два составляющих элемента – определенный культурный и образовательный уровень и навыки, необходимые для работы. Навыки, профессиональную компетентность можно рассматривать в контексте занятости. Формирование культурного уровня – достаточно длительный процесс, который формируется

естественным образом в процессе социализации, жизненного опыта. «Для социальных служб наиболее предпочтительными являются клиенты, имеющие определенный образовательный и культурный уровень, нацеленные на активную самопомощь»⁵. Однако если у клиента низкий культурный уровень, это не должно становиться препятствием для получения социальных услуг.

Забота о здоровье наркозависимых в рамках социальной инклюзии предполагает получение медицинских услуг в полном объеме, предоставляемых в государстве, не ущемление прав человека в данной области, возможности получения специальных программ для наркозависимых разрешенных в государстве.

В деятельности по повышению здоровья наркозависимого можно выделить два аспекта – снижение приверженности к наркотику (снижение дозы, увеличение срока ремиссии, избавление от наркотической зависимости и пр.) и поддержание состояния здоровья независимо от употребления/неупотребления наркотических веществ. Следствием наркомании является ряд различных заболеваний – ВИЧ/СПИД, гепатит С, нарушение работы различных органов, проблемы с кожными покровами и пр.

Система лечения и социальной реабилитации, направленные на снижение приверженности к наркотику, в России представлены таких формах как детоксикация и лечение (в государственной или

частной клинике) и социальная реабилитация по различным программам (12 шагов, религиозные программы, авторские социально-психологические программы). Наиболее востребованные программы социальной реабилитации организуются на базе общественных организаций⁶. Работа с наркозависимыми также ведется в низкопороговых центрах, деятельность которых направлена на формирование мотивации к лечению, психологическую поддержку на этапе потребления и постпотребления и перенаправление зависимых в места получения помощи – в другие клиники по необходимости клиента. Имеют место также практики самолечения («ломки» проходят в домашних условиях и далее или воздержание от употребления наркотика, или замещение алкоголем либо доступными антидепрессантами)⁷.

Сложным в реализации заботы о здоровье наркозависимого является получение медицинских услуг независимых от употребления/неупотребления наркотических веществ – услуг терапевта, хирурга, дерматолога и других специалистов.

Сценарии эксклюзии в области поддержания здоровья у социально исключенных групп, разворачиваемые преимущественно в рамках государственных структур, компенсируются сценариями инклюзии, формируемыми частными компаниями и некоммерческими организациями. К вопросу об эффективности финансовых вложе-

ний государственных средств на восстановление индивидов с проблемами наркопотребления, с экономической точки зрения целесообразно было бы пересчитать коэффициент полезных затрат.

В социологии различают два типа управления стигмой – проактивный и реактивный⁸. Реактивный тип предполагает принятие стигмы и конструирование в дальнейшем конформного типа поведения, негативными следствиями которого является утаивание диагнозов, не решение проблемы. Реактивный тип – предполагает отстаивание собственных прав, активную гражданскую позицию, деятельность, направленную на разрушение стигмы, детерминирующую жизнь людей с ВИЧ⁹. Реактивный тип не характерен для поведения наркозависимых, в связи с распространенными практиками девиантного поведения, чувствами вины, страха и другими психологическими особенностями, связанными с принятием наркотических веществ. Компенсируют заботу о наркопотребителях родственники, близкое окружение и представители некоммерческих организаций: общественных и религиозных организаций, фондов.

Инклюзивные стратегии в сфере жилья и занятости реализуются в программах длительной реабилитации на базе общественных организаций. В данных программах наркозависимым может предоставляться «дом на полпути» или общинное проживание, к примеру,

как в религиозных центрах. Зарекомендовал себя реабилитационный центр «Обитель исцеления» в с. Саперное при Приходе храма Коневской иконе Божией матери, в котором реабилитанты живут 9 месяцев, осваивая ремесла и навыки работы в сельском хозяйстве. В 2009 г. в Татарстане действовала программа «Трудоустройство наркозависимых», реализованная на базе социально-реабилитационного центра «Роза ветров».

Важную роль в профилактике наркотизации и реабилитации наркозависимых, ВИЧ-положительных имеют общественные организации, они представляют интересы исключенных групп и индивидов в публичном пространстве и непосредственно участвуют в процессе инклюзии, предоставляя необходимые услуги специалистов или перенаправляя в места получения помощи. Их отличает, во-первых, проникновение в те сферы жизни, которые не затрагиваются или слабо затрагиваются существующими государственными структурами, во-вторых, максимально активный характер деятельности и поведения их членов¹⁰. Общественные организации – живой организм, они отличаются от государственных структур тем, что немедленно откликаются на все нужды общества, на все, что с ним происходит, также они способствуют вовлечению индивида в социальную деятельность. Результатом этого процесса является превращение нуждающихся из пассивных объектов, которые ждут помощи, в активных

самостоятельных субъектов социальной деятельности.

Общественные организации создаются для решения конкретных социальных проблем, причем, как правило, людьми, чьи личные или профессиональные интересы непосредственно связаны с решением проблемы. Инициатива исходит снизу, а властные и коммерческие структуры, как правило, подключаются на стадии реализации конкретного проекта, давая разрешение на его проведение или выделяя необходимые средства.

Можно выделить два сценария социального включения наркозависимых. Эффективный сценарий на современном этапе реализуется в странах Западной и Восточной Европы, США, где функционируют программы «снижение вреда», направленный на восстановление прав человека, оказавшегося в состоянии социальной эксклюзии и несущего наказание за распространение наркотиков. Как уже было отмечено, важную роль в подобных программах играет «заместительная терапия». В связи с запретом заместительной терапии в России, возможен второй сценарий социального включения депривированных групп в контексте употребления психоактивных веществ. Наркозависимый является больным человеком, соответственно, ключевой задачей является его выздоровление и включение в социальную среду как полноправного члена общества. Второй сценарий, с учетом культурных и правовых российских условий, предполага-

ющий ремиссию, ресоциализацию и социальное включение – это более длительный процесс, в отличие от первого сценария, с большим количеством человеческих жертв – наркозависимых, предполагающий значительные финансовые затраты со стороны государства и деинституционализацию дискриминационных сценариев силовых ведомств, активное участие общества в помощи группам риска, однако в конечном итоге более гуманный для того наркопотребителя, который сможет дойти до финиша. Важное значение в реализации схемы второго сценария по социальному включению играет мотивация наркозависимого и его добровольное желание, что является весьма проблемным аспектом. В России отсутствует отработанная траектория социального включения нарко-

потребителей, регламентированная государством. Отчасти, некоторые элементы данного сценария не структурированно реализуются различными некоммерческими организациями.

Таким образом, наиболее продуктивными стратегиями в помощи депривированным группам являются гражданские инициативы: «помощь равному» и инициативы некоммерческих организаций – как на территории пенитенциарных заведений, наркологических диспансеров, так и при работе с экс-зачленными, наркопотребителями после выхода из клиник и мест лишения свободы. Однако родственники наркозависимых не осведомлены об алгоритме социального включения, а наркозависимые не в состоянии выстраивать самостоятельную жизненную траекторию.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Mathers B., Degenhardt L., Ali H., et al. HIV prevention, treatment and care for people who inject drugs: a systematic review of global, regional, and country level coverage // *Lancet*. 2010. P. 1014–1028.
- 2 Шайдукова Л. К. Классическая наркология (для студентов, интернов, ординаторов и врачей). Учебно-методическое пособие. Казань. 2011. С. 103.
- 3 Social exclusion and reintegration. EMCDDA 2003 selected issue. In EMCDDA 2003 Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway. P.67. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.emcdda.europa.eu/attachments.cfm/att_37285_EN_sel2003_2-en.pdf.
- 4 Россия 2014: Стат. справочник. Росстат. М., 2014. С. 13.
- 5 Астоянц М. С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация): дисс. ... д. соц. н. Ростов-на-Дону, 2007. С. 128.
- 6 В г. Казани в данном направлении работают общественные организации «Роза ветров», «Профилактика и инициатива», «Спасая Жизни-Казань», «Вера», Реабилитационный центр «Парус», «12 ступеней» и др.
- 7 Yih-Ing Hser. Predicting Long-Term Stable Recovery from Heroin Addiction: Findings from a 33-Year Follow-Up Study // *Journal of addictive diseases*. P. 52.
- 8 Siegel K., Lune H., Meyer I.H. Stigma Management Among Gay / Bisexual Men with HIV/AIDS // *Qualitative Sociology*. Vol. 21. №1. 1998. P. 3–24.
- 9 Вышемирская И. ВИЧ-активизм как стратегия выживания: исследование случая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik/9/9_vyshem.htm.

10 Пшеницына О.В. Общественные организации как субъект социальной работы // Социологические исследования. 2000. №6. С. 135.

Сведения об авторе: Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, доцент КФУ, e-mail: meflova@gmail.com; Минзарипов Рияз Гагауллинович, доктор социологических наук, профессор КФУ, e-mail: rminzaripov@yandex.ru.

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают особенности социальной адаптации социально депривированных групп в современном российском обществе, на примере наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ. В фокусе наблюдения исследователей оказались следующие объекты: государство, активность общественных организаций, уровень кооперации и особенности построения моделей взаимоотношений общественной организации с гражданским сектором, а также взаимодействие общественной организации и общества.

Ключевые слова: социальная инклюзия, социальная адаптация, социальная реабилитация, наркотизм, наркопотребление, люди, живущие с ВИЧ.

Abstract: In this article, the authors examine the characteristics of social adaptation deprivileging social groups in the modern Russian society, for example drug addicts and people living with HIV. The focus of the observing researchers were the following objects: state, activity of public organizations, the level of cooperation and the peculiarities of construction of models of relations of public organizations with the civil sector, and also interaction of public organizations and society.

Keywords: social inclusion, social adaptation, social rehabilitation, drug addiction, drug use, HIV.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ РОЖДАЕМОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ

*Хайруллина Ю.Р., доктор социологических наук,
Гарипова Р.Р., кандидат социологических наук*

В начале XX в. уровень рождаемости в России был одним из самых высоких, зафиксированных когда-либо в крупной стране. Прошло сто лет, и Россия оказалась в числе стран с самой низкой в мире рождаемостью. Ее падение на протяжении столетия шло неравномерно, но было почти непрерывны¹. К концу 1950-х гг. ситуация с рождаемостью в СССР не отличалась от западных стран, а с середины 1960-х гг. в России устанавливается режим воспроизводства, не обеспечивающий даже простого замещения поколений. Только во второй половине 1980-х гг. показатель рождаемости поднялся до отметки 2,1 ребенка в расчете на одну женщину, что составило границу простого воспроизводства при современном уровне смертности. Затем произошло значительное падение рождаемости в 1990-х гг., что еще более усилило степень «недовоспроизводства» народонаселения, когда каждое новое поколение детей было на 30–40% меньше родительского. Показатели рождаемости, достигнутые в России во второй половине 1990-х гг., – 1,2 ребенка на одну женщину условного поколения, вероятнее всего, надолго останутся минимальными

для всей российской истории, даже при некотором увеличении рождаемости, происходящем в последние годы².

Схожая ситуация наблюдается и в отдельных регионах России. В частности, в Республике Татарстан, несмотря на менее радикальное сокращение динамики численности населения прогнозируется существенная нехватка трудовых ресурсов, даже в случае сохранения современного уровня рождения и миграции. Сегодня различные субъекты управления выдвинули ряд программ стабилизации рождаемости, которые требуют согласования их законодательного обеспечения. Предложения по совершенствованию законодательного обеспечения реализации приоритетов демографической политики, проблемы рождаемости должны содержать меры, одобряемые населением и сформулированные на базе результатов конкретно-социологических исследований. Авторский коллектив под руководством профессора Ю.Р.Хайруллиной, опираясь на результаты сравнительных исследований 2011³ и 2016 гг.⁴, рассмотрел теоретические подходы изучения феномена модернизации рождаемости, его этапы и современные

тенденции развития; проанализировал местопроблемы рождаемости в программах демографической политики органов власти различного уровня, разработал методику оценки мнения населения по проводимым социально-экономическим преобразованиям и применил ее при изучении отношения населения к реализации демографической программы развития Республики Татарстан.

В целом, демографическое поведение населения в республике отличается стабильностью, ситуация с рождаемостью за последние десять лет улучшилась и скорее всего улучшится в последующее десятилетие. Рождение детей планируется в ближайший год у 5,5% респондентов; в три года – 12,9%; в пять лет – 16,9%; свыше 5 лет – 18,1%. 15,2% респондентов не планируют рождение детей, 31,5% – затруднились ответить. Предпочтительным для средней российской семьи считается наличие двоих детей (53,4%), одного ребенка (32%), десятая часть (10,9%) опрошенных полагает, что она может быть бездетной.

По результатам исследования установлено, что большинство женщин детородного возраста склонны планировать беременность. Как показали данные исследования, почти 75% опрошенных нами беременных женщин отметили, что текущая беременность является для них планируемой. Четверть беременных женщин указала на то, что беременность для них скорее случайна. Немалова-

жен тот факт, что среди женщин, не планировавших специально свою беременность, только пятая часть (20%) приняла решение сохранить ребенка в первые же дни, остальными решение было принято позже. Данный факт указывает на то, что последнюю группу женщин однозначно можно считать потенциальной «группой риска», с ней необходима незамедлительная работа в начальный период после констатации факта беременности. Только у 25% опрошенных женщин текущая беременность является не первой, имеется уже ребенок. У 75% опрошенных ожидаемый ребенок является первым. Таким образом, среди опрошенных беременных женщин преобладает либо одноплодная, либо двухплодная модель семьи. При этом более половины женщин, уже имеющих детей, указали, что их первому ребенку от 8 до 12 лет, то есть имеется достаточно большой разрыв в возрасте между первым и вторым ребенком. Менее 30% опрошенных указали, что возраст их первого ребенка составляет 1–3 года.

Вместе с тем, желаемые репродуктивные установки населения РТ гораздо выше реально планируемых (ожидаемых), так как в современных условиях много факторов, негативно влияющих на рождаемость и процесс воспитания детей. Как показали исследования, такие особые социально-демографические группы как молодежь и женщины ждут помощи от государства в решении своих проблем. Среди них названы такие внешние

причины, как: экономическая нестабильность, наркомания, алкоголизм; внутренние – низкий уровень дохода семьи, отсутствие и нехватка жилой площади, конфликтность супружеских отношений. Наиболее актуальными проблемами для своей семьи в современных условиях респонденты назвали следующие проблемы: низкую заработную плату (45,7%), жилищные проблемы (26,5%), конфликты поколений (16,3%).

Немаловажным аспектом исследуемой проблемы является готовность женщины к рождению детей в дальнейшем. Более половины опрошенных женщин уверенно отвечают, что планируют еще иметь детей в будущем. Объективные условия, побуждающие, либо сдерживающие желание женщин иметь детей в последующие годы, можно свести к нескольким: жилье, уровень материальной обеспеченности, ситуация с занятостью, состояние здоровья женщины, что соотносится с результатами других исследований⁵. Кроме того, имеют значение также социально – демографические характеристики, семейные традиции.

Исследование выявило существенные отличия между текущими мерами отечественной социальной поддержки и предпочтительными запросами молодежи: для рождения первого ребенка большинство респондентов (72 %) считают необходимым доход свыше 30 тысяч рублей в месяц на 1 члена семьи. Четверть респондентов считают достаточным для принятия реше-

ния о рождении первого ребенка доход на уровне 20–30 тысяч рублей в месяц. Более высокие требования к уровню дохода респонденты предъявляют при решении о рождении второго ребенка – больше половины молодых людей, собирающихся в ближайшее время создать семью, считают, что доход, необходимый для рождения второго ребенка, должен составлять не менее 50 тысяч рублей в месяц на 1 члена семьи. При этом на момент опроса личный совокупный доход двух третей респондентов, собирающихся создать семью в ближайшее время, составлял от 5 до 9 тысяч рублей, шестая часть опрошенных имели доход от 10 до 14 тысяч рублей, и только десятая часть респондентов указала доход свыше 15 тысяч рублей на 1 человека. В то же время, согласно исследованиям, уровень дохода женщин в расчете на одного члена их семьи, не всегда является определяющим при планировании будущих детей. Наибольшую степень готовности иметь детей в будущем выражают женщины в возрасте 26–35 лет (73% из них определенно собираются иметь еще детей в будущем), среди женщин в возрасте 18–25 лет выше доля сомневающихся.

Завершая рассмотрение особенностей репродуктивного поведения отдельных социально- демографических групп и их мнения по качеству социальной поддержки населения необходимо отметить следующее. Средимер, сформулированных на базе результатов конкретно- социологических исследований, раз-

личные субъекты управления на региональном и местном уровне должны реализовать в качестве приоритетов социальной политики следующие положения: увеличение размера пособий по уходу за ребенком (65,2%), размера пособий по беременности и родам (42,9%), помощь в получении жилья для семей с детьми (41,2%). Среди других социальных мер, мотивирующих оптимальное демографическое поведение: снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей в семье 56,1%; снижение налоговых платежей с родителей 39%; предоставление семейных путевок для совместного отдыха 36,5%. Необходимы также меры для укрепления семьи и семейного образа жизни: реализация мер по пропаганде нравственных и семейных ценностей, формированию установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми (43,4%); создание центров помощи беременным женщинам и

женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях (34,5%); демонстрация социальной рекламы по антиалкогольной и антинаркотической тематике, пропаганде здорового образа жизни.

Необходимо отметить, что в целом возрастает внимание общества к проблемам семьи и детства, к условиям, в которых живут и воспитываются дети в российских регионах. В 2010 г. завершилась Федеральная целевая программа «Дети России». По поручению Президента Российской Федерации был разработан стратегически важный Национальный план действий в интересах детей до 2017 г., направленный на восстановление приоритетности решения проблем семьи и детства, разработку эффективных мер, направленных на их поддержку. Готовится его продление еще на десять лет. Такие государственные программы также должны учитывать результаты прикладных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б., Гречуха В.А., Донец Н.В. Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социологические исследования. 1988. №3. С. 145.
- 2 Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 33–45.
- 3 Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р. Social factors and features of the reproductive behavior of the population of the Republic of Tatarstan in modern conditions (on materials of concrete-sociological research) // International Conference on Applied Economics, ICOAE. 2015. P. 533–536.
- 4 Khayrullina Y.R., Garipova R. R., Arzina A.V. Features of labour capital of medical workers(based on the materials of the Republic of Tatarstan) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2016. Special Edition, Acceptance Date: 05.10.2016. P. 2812–2816; Хайруллина Ю.Р., Германова Л.В. Установки современной женщины на планирование деторождения: факторы влияния (на материалах конкретно-социологических исследований) // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №2. С.252–255.

5 Хайруллина Ю.Р., Нуруллина Э.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье: экономический подход // Научный журнал «Вестник ВятГГУ». 2014. № 10. С.40–46.

Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р. Идентификационный портрет населения Республики Татарстан: роль социальных институтов и особенности социализации личности в постсоветской России (на материалах КСИ 1990-х–2014 гг.). Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2016. 152 с.

Нуруллина Э.Р., Хайруллина Ю.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье (на материалах г. Казани): Монография. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2016. 235 с.

Сведения об авторе: Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор КФУ, e-mail: iouldouz@narod.ru; Гарипова Регина Рафисовна, кандидат социологических наук, КФУ, e-mail: ReginRGaripova@kpfu.ru.

Аннотация: *Современная Россия последние десятилетия находится на очередном сложном этапе своего социально-экономического развития. Наша страна столкнулась не только с многочисленными экономическими, социальными, политическими и культурными вызовами, но и с масштабной демографической проблемой. Это выводит на первый план задачу сбережения народонаселения, повышения рождаемости, заботу о детях, молодежи как главном цивилизационном ресурсе страны, человеческом капитале, способном обеспечить ее историческое будущее. В статье представлены результаты авторских социологических исследований, демонстрирующих отношение населения Республики Татарстан к реализации демографической программы развития региона, а также репродуктивные установки женщин.*

Ключевые слова: *рождаемость, демографическая политика, репродуктивное поведение, численность населения, репродуктивные установки.*

Abstract: *Modern Russia in recent decades is at the another difficult stage of its socio-economic development. Our country was faced not only with numerous economic, social, political and cultural challenges, but also with a large-scale demographic problem. This brings to the fore the task of saving the population, raising the birth rate, caring for children, youth as the main civilizational resource of the country, human capital capable of ensuring its historical future. The article presents the results of author's sociological studies that demonstrate the attitude of the population of the Republic of Tatarstan to the implementation of the demographic program for the development of the region, analyzing the reproductive attitudes of women.*

Keywords: *birth rate, demographic policy, reproductive behavior, population size, reproductive attitudes.*

ТАТАРЫ И ТАТАРСТАН НА СТРАНИЦАХ НОВОГО ТОМА «ТАТАРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

А.Г.Яруллина, кандидат филологических наук

Вышел в свет очередной пятый том «Татарской энциклопедии» на татарском языке, разработанный и подготовленный к печати по Указу Президента Республики Татарстан Институтом Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. В новый том вошли 3824 статей на буквы «Р», «С», «Т» (1-ая часть). Представлен богатейший материал – более 1500 персоналий, более 950 иллюстраций.

Подготовка пятого тома с точки зрения энциклопедистики была очень ответственной, так как том полностью связан с понятиями «татары» и «Татарстан». Там сконцентрированы статьи о татарском народе, его истории, литературе и искусству, а также об образовании, здравоохранении, промышленности, сельском хозяйстве и других сферах социокультурной жизни Татарстана. Комплексная статья, посвящённая Республике Татарстан, занимает 54 страницы, в которых описаны Конституция, правовой статус республики, её административно-территориальное деление, государственные органы управления, символика, государственные награды республики. В обзорной статье «Татарлар» (татары) приведены основные концепции происхождения татарского народа: болгаро-татарская, монголо-татарская,

тюрко-татарская теории. Отдельные статьи посвящены татарскому просвещению, татарской литературе, народной музыке, искусству и устному народному творчеству, а также промышленности и сельскому хозяйству, образованию, здравоохранению и спорту.

Представлено большое количество статей о населённых пунктах РТ и местах компактного проживания татар за пределами РТ: Сабинский, Сармановский, Спасский районы; Рязанская, Свердловская области; 331 деревни на букву «Т», из них 62 начинается со слова татар: Татар Аксуы, Татар Буасы, Татар Урматы и др. Значительное место в томе уделено истории и культуре народов, населяющих нашу респу-

блику, в статьях: «Руслар» (русские), «Рус теле» (русский язык), «Рус халык архитектурасы» (русская народная архитектура), «Рус халык сэнгате» (русское народное искусство) и др. В названиях 32 населённых пунктов начальное слово рус (русский): Рус Эйшәсе (Русская Айша), Рус Урматы (Русский Урмат), Рус Акташы (Русский Акташ), Рус Ялтаны (Русские Ялтаны), Рус Кирмәне (Русские Кирмени) и др.

Самые яркие страницы энциклопедии посвящены биографиям исторических (Казанские ханы – Сахиб-Гирей хан, Сафа-Гирей хан), общественных (Рамеевы, Тагировы), государственных (Ф.А.Табеев) деятелей татарского народа и Татарстана, крупных учёных (Р.З.Сагдеев, М.Х.Салахов, Т.К.Сиразетдинов, Н.А.Сахибуллин, Р.С.Сайфуллин, И.А.Тарчевский, В.П.Тронов и др.). Много информации о таких мастерах искусств, деятелях культуры как Сара Садыкова, Салих Сайдашев, Натан Рахлин, Марсель Салимжанов, Ринат Тазетдинов, Александр Сладковский, Александр Славутский; о писателях как Атилла Расих, Ахмет Рашит, Ибрагим Салахов, Сагит Сунчалей, Хади Такташ и др. В книгу включены те личности, которые внесли заметный вклад в экономику и культуру нашей республики и достойны остаться в благодарной памяти народа. В конце книги вниманию читателей предложены приложения, где даны полные списки: Героев Социалистического Труда,

Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, лауреатов Государственных премий РТ в области науки и техники, лауреатов государственной премии РТ им. Г.Тукая, а также перечень авторов данного тома.

Издание на татарском языке не является простым переводом русского варианта издания. Это обновлённый и дополненный новыми информативными сведениями и статистическими данными том, куда вошли более 100 новых статей. Этот труд свидетельствует об огромном духовном потенциале Татарстана, татарского народа и является большим вкладом в выполнение «Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков Республики Татарстан и других языков Республики Татарстан».

Издание является незаменимым справочным пособием не только для учёных разных отраслей науки, но и для учителей, студентов и учащихся, журналистов, работников культуры и государственных структур, всех, кого интересует прошлое и настоящее татарского народа и Республики Татарстан. Пятый том, как и предыдущие тома, будет передан в НИИ, вузы, музеи, архивные учреждения, редакции ведущих республиканских газет и журналов, радио и телевидения.

Сведения об авторе: Яруллина Алсу Гиниятовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: alsu.jarullina@rambler.ru.

Аннотация: *Статья посвящена выходу в свет 5 тома «Татарской энциклопедии» на татарском языке.*

Ключевые слова: *энциклопедия, татары, татарский язык, русские, русский язык, Республика Татарстан.*

Abstract: *The article is devoted to the publication of the 5th volume of the «Tatar encyclopedia» in the Tatar language.*

Keywords: *Encyclopedia, Tatar, Tatar Language, Russian, Russian language, the Republic of Tatarstan.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 22.00.00 (социологические науки). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст - кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля - 2,5 см; левое поле - 3 см; правое поле - 1,5 см; отступ (абзац) - 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колоннитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательна проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть концевыми, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) - от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате ПДФ или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».